

Гарий Леонтьевич Немченко

История Кольки Богатырева и всех его приятелей, рассказанная так, как это было на самом деле

Глава первая, которая сразу вводит читателя в курс дела и рассказывает о том, как Колька Богатырев стал министром геологии и охраны недр станицы Отрадной

В полдень по улице Щорса шел человек. Шел себе, как все люди.

Но зато как он был одет!

На голове у него пробковый шлем — точь-в-точь такой, в каких ходят только в тропических странах и, уж конечно, не по улице Щорса. У человека — громадные очки с зеркальными стеклами и яркая ковбойка. Обут он, несмотря на жару, в грубые сапоги со странными ремешками на голенищах.

Ну разве часто на тихой улице, которую объезжают даже грузовики, увидишь такого необыкновенного человека!

— Иностранец! — таинственно шептал Вовка Писарь. — Американский какой-нибудь — вот!

И никто не мог ему возразить.

Шурка Меринок, которому вчера удалось прошмыгнуть на взрослый сеанс, уверял, что человек в пробковом шлеме — охотник за каучуком. Но никто, кроме Шурки, не видел картины про охотников за каучуком, и все сошлись на том, что это, конечно, иностранец и никакой не охотник.

Мальчишки уже решили идти за иностранцем хоть на край света, лишь бы выяснить, кто он, но тут случилось неожиданное.

Человек в пробковом шлеме остановился возле дома Кольки Богатырева, взглянул на кругляшок номера под крышей и решительно толкнул калитку.

Переглянувшись, мальчишки бросились к Колькиному плетню и прикинули к щелкам.

Незнакомец подошел к крайнему окошку и легонько постучал по стеклу.

На стук вышла Колькина бабушка — Сергеевна, и тут ребята удивились еще больше, потому что иностранец на самом чистом русском языке приветливо сказал:

— Добрый день. Здесь живет Николай Богатырев?..

Сергеевна вытирала фартуком руки и исподволь осматривала наряд неожиданного гостя. Она, кажется, ничуть не удивилась, только спросила подозрительно:

— Не из пожарной команды, часом?..

Человек засмеялся и снял очки.

— Нет, — сказал он, — не из пожарной... Просто мне надо увидеть вашего Николая...

Сергеевна покачала головой и кликнула Кольку.

Он выскочил из-за сарая с самодельной саблей в руках, увидел человека в пробковом шлеме и остановился вдруг, как будто ему внезапно сказали «замри». Потом спрятал за спину саблю и нерешительно проговорил:

— Чего, бабушка?

— Меня еще спрашивает! — удивилась Сергеевна. И вздохнула. — Опять небось...

Но она не успела договорить, потому что человек в шлеме громко сказал Кольке:

— Мне очень нравятся белые скакуны... Можете продать мне одного?..

И тут же из-за плетня, где стояли мальчишки, раздался радостный голос Писаренка:

— Можем... скакуна!..

— Ты-то чего плетешь? Откуда знаешь? — сердито сказала Сергеевна, когда Володька вбежал во двор. — Нету у нас никаких скакунов.

Зато на лице у Кольки появилась вдруг широченная улыбка.

— Отдам скакуна задаром!..

Он бросился в дом.

Сергеевна растерянно всплеснула руками. Мальчишки поднялись из-за плетня и во все глаза смотрели на незнакомца.

Странные вещи творились сегодня на улице Щорса!

С утра пекло солнце, в пыльных ямках под плетнями копошились растрепанные куры, из подворотни в подворотню, высунув языки, пробегали сонные собаки. И все пацаны с самого утра помирали от скуки, потому что после неудачного запуска своей десятиступенчатой ракеты Колька надулся на весь белый свет. Он теперь никого не замечал и целыми днями пропадал у себя во дворе.

А кто виноват, что она, эта самая Колькина ракета, не захотела лететь? Месяц назад, когда еще не начались каникулы, технический кружок в школе занялся ракетами. Кольку не взяли в кружок, потому что у него была тройка по русскому и четверка по поведению, и тогда он сказал, что сам построит ракету. И у нее будет не три ступени, а целых десять.

Мальчишки со всей улицы отдали тогда ему все свои драгоценности, на которые Колька выменял метров тридцать киноплёнки, изрезал ее мелко и набил обрезками старую самоварную трубу. Один конец трубы он сплющил и заострил так, что он стал похож на наконечник от стрелы, а вторую забил круглой деревяшкой с тремя дырками в середине.

В эти дырки Колька вставил три никелированные трубки толщиной в палец. Через них надо было поджигать ракету, и отсюда должны были вылетать реактивные газы. Так сказал Колька.

Сашка Лопушок тогда спросил еще, почему же ракета десятиступенчатая, если самоварная труба всего одна. Он вызвался даже принести еще одну самоварную трубу, но Колька так посмотрел на Лопушка, что тот заморгал и потом сказал:

— А-а, теперь понятно, Коль!..

Колька установил ракету на коньке своей черепичной крыши, достал из консервной банки маленький раскаленный уголек и положил его на край трубки.

Мальчишки, разинув рот, снизу смотрели, как сейчас вот стрелой помчится в голубое небо эта необыкновенная черная ракета.

Только Володька Писаренок был наверху. Держал банку с угольками.

Колька палочкой протолкнул уголек внутрь, и из всех трех трубок сразу же ручейками вырвались струйки синего дыма.

Мальчишки внизу разом закричали и стали бросать вверх свои тюбетейки и пилотки, но тут вдруг круглая деревяшка, которая затыкала ракету, вырвалась и с грохотом покатила по крыше. Из ракеты повалил густой черный дым.

Дыму было столько, что он закрыл и Кольку с Писаренком, и всю крышу, и высоченные акации за домом. Мальчишки, забыв обо всем на свете, смотрели на этот дым и опомнились лишь тогда, когда совсем рядом зазвенел медный колокол и по двору забегали пожарники в самых настоящих пожарнических касках. Потому-то Колькина бабушка сразу спросила у незнакомого человека: не пожарник ли?

Но разве пожарники носят пробковые шлемы? И хотя каски у них, у пожарников, тоже интересная штука, — пробковые шлемы им все-таки и не снились. Можно смело спорить, что любой пожарник дал бы за пробковый шлем две свои каски, да еще что-нибудь в придачу!..

Так что это за человек? Откуда? Зачем пришел к Кольке? И что — Колька в самом деле отдаст ему задаром белого скакуна?

Да и нет у Кольки никакого такого скакуна. Был бы, так наверняка б вся улица об этом знала, а тем более мальчишки! Это ведь не кролик!

Один за другим ребята проскользнули во двор и сели на завалинке. Они делали Писаренку знаки, чтобы тот подошел к ним, но этот Писаренок, казалось, ничего не замечал и только во все глаза смотрел на человека в пробковом шлеме.

— Скажите, дядь, сколько сейчас часов? — спросил неожиданно Володька.

Незнакомец посмотрел на часы, и тут все тоже увидели, какие это удивительные часы. Они были гораздо больше и толще обыкновенных, и вместо одной заводной головки на боку у них торчали целых три. И мальчишки, уже ничуть не стесняясь, окружили человека в пробковом шлеме.

— Ух ты! — ахнул Лопушок, хватаясь за тюбетейку, из-под которой рвались колечками рыжие вихры. — Тут написано целых двадцать четыре часа, а не двенадцать!..

Циферблат этих часов, и верно, был разбит не на двенадцать делений, а на двадцать четыре.

— Какие у вас интересные часы, дядя! — сказал Писаренок.

Человек улыбнулся и еще больше вытянул руку, чтобы все мальчишки могли полюбоваться необыкновенными часами.

— Их мне подарили, когда я был в Антарктиде, — сказал он.

Там ведь полгода ночь, полгода день. А работают полярники много. Если у них обыкновенные часы, то глянут они на них и видят: два часа. И не знают, что делать: то ли им спать давно пора, то ли обедать самое время. Потому что темно уже четыре месяца, и тут уж не разберешь, где тебе день, а где ночь. Хоть плачь! А с такими часами не пропадешь. Если показывают они два — это ночь. А когда будет два часа дня — тогда стрелка будет стоять на цифре четырнадцать. Недаром же по радио слышишь: московское время четырнадцать или там шестнадцать часов... Это только в станице Отрадной днем говорят: «Смотри мне, чтобы в три ты уже был дома!» Надо говорить: в пятнадцать...

Голова у мальчишек шла кругом. Сашка Лопушок тихонько спросил:

— Дядь, а скакуна вы повезете в Антарктиду, да?

Но человек не успел ответить. В доме хлопнула дверь, и все обернулись.

Колька подбежал к незнакомцу и раскрыл кулак. На грязной Колькиной ладошке лежала ослепительно белая лошадиная голова из пластмассы. Мальчишки даже не успели подумать, что это значит, как вдруг незнакомец достал из кармана ковбойки обломок белой расчески и протянул Кольке. Колька взял ее и приложил к пластмассовой голове — совсем так, как это делают в кино шпионы, когда впервые видят друг друга.

— Порядок? — спросил незнакомец.

— Порядок! — сказал Колька, улыбаясь.

— Ну, давайте знакомиться. — Человек в шлеме протянул Кольке руку. — Константин Петрович Рублев, начальник шестого отряда...

И тут только мальчишки начали понимать, что происходит.

Кто не помнит, как прошлым летом приезжали в станицу геологи?.. Они разбились на берегу Урупа маленький лагерь и с утра до вечера пропадали за горой, лазили по кручам на берегу. Все мальчишки с улицы Щорса подружились с геологами, а Колька даже оставался ночевать у них в палатке.

Когда геологи уходили дальше, начальник отряда дядя Сеня — совсем еще молодой начальник и очень веселый — попросил Кольку походить по горам и собрать для него всякие там камни и минералы. Все мальчишки обещали дяде Сене целый год собирать эти самые минералы и приглашали заезжать в Отрадную на будущий год.

Но в том-то и дело, что никто, кроме Кольки и Писаренка, не слышал, как дядя Сеня сказал Кольке:

— Может случиться так, что я не выберусь сюда будущим летом. Тогда — вот...

Он достал из кармана маленькую белую расческу. У нее была очень красивая ручка — лошадиная голова с длинной гривой.

Дядя Сеня отломил ручку и протянул Кольке.

— Понимаешь? — спросил он.

— Понимаю! — сказал Колька и спрятал белую лошадиную голову в подкладку своей кепки.

— Пароль? — спросил дядя Сеня.

И так как у них было очень мало времени, Колька сказал первое, что пришло в голову, а Писаренок тут же сочинил ответ.

Сначала мальчишки горячо взялись за дело. Они пропадали в оврагах, на горе, бродили по лесу и в поле. Все искали интересные камни, кому какие нравились, а Володька наклеивал на них номерки и записывал в специальной книге, где нашли слоистый кусочек слюды, где — синюю глину. За это и прозвали его Писаренком.

За несколько дней мальчишки натащили во двор к Кольке столько камней, что их хватило бы на фундамент нового дома. Так, по крайней мере, говорила Колькина бабушка.

Но ведь не будешь же целый год заниматься одним и тем же делом! О камнях забыли, и только Колька да Писаренок все еще собирали эти самые минералы...

Но ведь они-то знали то, чего не знали остальные мальчишки!..

— Так чем похвастаетесь, молодцы? — спрашивал теперь Константин Петрович. — Нашли что-нибудь? Золото? Нефть? Железо?

— Нашли, наверное, — сказал Колька. — У нас там целая гора камней... Посмотреть надо!

Теперь все они — и начальник шестого отряда, и ребяташки — сидели на завалинке Колькиного дома, и только бабушка Сергеевна, сложив руки под фартуком, все так же стояла чуть поодаль и смотрела на Константина Петровича.

Сергеевну, наверное, все-таки взяло любопытство, потому что она проговорила вдруг, как будто ни к кому не обращаясь:

— И что за мода — такие шапки?..

— Ну какая же это шапка, бабушка? — с обидой сказал Колька. — Это, бабушка, пробковый шлем... А Константин Петрович улыбнулся, снял шлем и протянул Сергеевне:

— Такие шапки носят в Африке... Это чтобы голову не пекло, там, знаете, очень жарко... Волосы у геолога были соломенные, как будто выгорели на солнце.

Сергеевна не стала брать шлема, только посмотрела на него, не вынимая рук из-под фартука, и вздохнула.

— О-хо-хо! — сказала. — Чего только не придумают... Делать людям нечего, что ли?

Кольке стало совсем стыдно за свою бабушку и, чтобы отвлечь Константина Петровича, он спросил:

— А вы были в Африке?

— Два года...

Мальчишки снова зашумели. Писаренок перестал даже рассматривать шлем, протянул его Лопушку и спросил:

— А вы — круглосветный путешественник, да?

— Не совсем, — сказал геолог, по Писаренок его перебил:

— Расскажите про Африку, дядя Костя!..

И все мальчишки тоже закричали:

— Расскажите, дядя Костя!..

— Расскажите, дядя!..

Но он не стал сейчас рассказывать про Африку.

Он встал и надел шлем.

— Расскажу после. Сейчас у меня еще есть кое-какие дела...

Он посмотрел на свои необыкновенные часы, которые выручали его в холодной Антарктиде, и протянул Кольке руку.

— Очень рад был познакомиться, Николай. Наш лагерь, кажется, там же, где был в прошлом году. Жду тебя в семнадцать часов. Камин донесете, помогать не надо?

— Донесем, Константин Петрович! — сказал Лопушок, как будто это его спрашивали про камни.

Константин Петрович поднял руку к шлему, повернулся и открыл калитку...

А к вечеру, когда верхушки самых высоких акаций стали понемножку закрывать солнце, по улице Щорса потянулась удивительная процессия.

Впереди шел Колька. В левой руке у него была конопляная плетка, а в правой он держал большой и гладкий зеленый огурец. Колька с хрустом откусывал от него и довольно мурлыкал какую-то песенку. Огурец не мешал ему петь, потому что Колька все равно ведь до конца не знал слов. До конца, полагал Колька, знают песни только девчонки.

За Колькой шел Писаренок. Под мышкой он нес здоровенную амбарную книгу. В ней было уже двести восемьдесят девять записей о камнях и минералах.

Писаренок шествовал важно, лишь изредка поглядывая по сторонам. За ухом у него был длиннющий карандаш. Вовка хлопал белыми ресницами, и его облупленный нос лучился на солнце.

За Писаренком шел Витька Орех — самый сильный, не считая, конечно, Кольки, мальчишка с улицы Щорса. Витька любил делать все так, чтобы ему было труднее, а не легче, и поэтому круглую корзинку-плетешок с камнями он нес на голове, придерживая ее обеими руками. Под выгоревшей пилоткой на лбу у Витьки Ореха выступили капельки пота, но он шел прямо, почти не сгибаясь, и только посматривал иногда на свои мускулы, загорелыми бугорками надувшиеся около плеч.

Позади них толпой шагали остальные мальчишки. В руках у них были кошелки, набитые минералами авоськи, старые ведра. Шурка Меринок, приземистый и черноголовый, сгибаясь под тяжестью, тащил полмешка этих самых минералов! За ним семенили его младшие братья — Меринята, тоже черноголовые коротыши. Им, как и всем, очень хотелось нести камни, и теперь один из них тащил их в маленькой лейке с отбитым носом, а второй прижимал к груди край подола грязной рубашки. Камни в подоле били этого Мериненка по животу, но он все равно быстро топал вслед за братьями.

Мальчишки уже увернули со своей улицы и шли по Курортной как вдруг где-то рядом послышался звонкий голос.

— Взлет!..

Они остановились и увидели, как с крыши низенького сарайчика, стоявшего за акациями в глубине двора, отчаянно взмахнув руками, на кучу песка прыгнул худенький мальчишка в очках.

— Ти, — усмехнулся Писаренок, — на песок всякий сможет...

— Удивить нас хочет! — Колька швырнул под ноги огрызок огурца. — Выследил небось, что идем, а

теперь козыряет...

Мальчишка приподнялся на песке, отряхнул ладони и только теперь, кажется, увидел ребят.

— Привет! — крикнул он, подходя к калитке. — Куда это собрались?..

— Прямо, потом направо, — сказал Колька.

Но мальчишка, кажется, не думал обижаться.

Он оглядел ребят добрыми, чуть прищуренными глазами, потом снял очки и потер пальцем красную черточку на переносице. Перегнулся через калитку и с любопытством спросил:

— А в корзинках у вас что?..

— Чтокало! — сказал Писаренок. — А ты думал — книжки?..

Худенького мальчишку в очках звали Талмутиком.

Не подумайте, что это имя или фамилия. Ни то ни другое, конечно.

Мальчишку звали Петькой, фамилия его была Козополянский, но вот случилось же так, что уже два года никто не называл его иначе, как Талмутиком.

Дело в том, что, по всеобщему мнению, этот мальчишка был всезнайка и зубрила. На уроках он сидел тихо, как мышь, все знал назубок, а в школьной библиотеке брал читать самые что ни на есть толстенные книги. Как-то однажды в библиотеке было очень много мальчишек, так много, как будто все они сговорились прийти сюда после школы. Был здесь и Талмутик, который тогда еще и не был Талмутиком. Он последним стоял в очереди, но библиотекарьша Варвара Федоровна, для которой Козополянский был очень уважаемым читателем, не могла примириться с таким положением.

— Что дать вам, Петенька? — спросила она, глядя на него через головы других мальчишек.

И тогда Петька Козополянский поправил очки, привстал на цыпочки, указал пальцем на толстенную книгу, которая лежала на самой верхней полке, и сказал примерно так:

— Нельзя ли мне взглянуть на этот талмуд?..

Конечно, мальчишки постарше не увидели в этом ничего смешного. Зато один второклассник, очень смешливый человек, прыснул так, что ему пришлось даже закрыться шапкой, иначе получилось бы очень громко.

— Чего ты? — спросил у него другой мальчишка.

— Г-гы, — сказал смешливый второклассник. — Талмут!..

И показал пальцем на Петьку.

— Ха-ха! Талмутик! — сказал другой второклассник и взялся за живот — так было ему смешно.

Потом это повторили все, кто был в то время в библиотеке, кроме, конечно, Варвары Федоровны и самого Петьки, — и с тех пор его называли только Талмутиком, и никак не иначе.

Дежурные по классу в пятом «А», где учился Талмутик, очень часто, вместо того чтобы сказать «отсутствует Козополянский», говорили; «У Талмутика болят уши», а одна новенькая учительница, которая только что окончила институт, назвала его однажды «ученик Талмутиков».

Вот такси человек был Петька Козополянский, и сейчас ребята только перемигивались, глядя, как он вертит в руках серый с синими прожилками камень, который взял из корзины Сашки Лопушка.

— Посмеялись — хватит, — сказал Колька, щелкнув конопляной плеткой. — Положи минерал, Талмут, — торопимся. У нас дело есть... — И, когда они снова уже шли по улице, обернулся, почти не глядя на Петьку, крикнул: — А ты давай прыгай... Может, человеком станешь...

Петька вздохнул и поправил очки.

По узенькой тропке, пробитой среди высокого бурьяна, мальчишки спустились с пригорка, обогнули последний огород и пошли через кусты бузины. Из кустов тянуло сыростью, где-то рядом в маленьком болотце надрывались лягушки.

Бузина кончилась, и Колькин отряд вышел на лужайку. Отсюда хорошо были видны противоположный обрывистый берег реки, скалы из синей глины, блестящие плешки чернозема на рыжих, выгоревших на солнце горах.

Там, где река делала поворот, с одного берега на другой перекинулся белый, отмытый дождями и паводками деревянный мост. Чуть выше по реке, среди тех громадных камней, с которых мальчишки обычно ловили рыбу, виднелись зеленые треугольники палаток.

Колькина плетка извилась и звонко щелкнула в воздухе.

Мальчишки прибавили шагу.

Конечно, им можно было пройти через мост. Но что подумают геологи? Побоялись, скажут, перейти речку. А чего бояться, если летом в ней воробью по колено?

Колька дождался, пока все мальчишки собрались на берегу, обвязал плетью вокруг шеи, взял за руки Меринят и шагнул в реку. Отряд зашлепал по воде.

Вода была совсем теплая. Напротив палаток был пережат, и если с правого бока зеленоватые

буруны поднимались у мальчишек почти до пояса, то с левого трусы у них оставались сухими. Буруны шумели и пенились, и ничего не было слышно, кроме этого шума. Но Писаренок все равно догнал Кольку, который шел боком, потому что так удобней было вести Меринят, и закричал ему, показывая на свою книгу:

— Серебро бы найти, да, Коль?

— Почему — серебро? — тоже прокричал Колька.

— Ну так просто! — объяснил Писаренок, подаваясь к Кольке.

Он, видно, хотел сказать еще что-то, но вдруг споткнулся и сел в воду. Сначала его рука с драгоценной книгой оставалась над бурунами, но потом, когда он захотел привстать, книга шлепнулась в воду и выскользнула у Писаренка из рук.

— Спасай тетрадку! — громко закричал Колька.

Писаренок бросился за книгой, но снова споткнулся и упал, подняв фонтан брызг. А книга легко неслась по быстрине и была уже далеко. Колька подтолкнул дрожащих от страха Меринят к Витьке Ореху, который шел вслед за ним, и, высоко поднимая ноги, помчался по перекату.

Перед мостом у излучины была яма. Там большими кругами ходила мутная вода, в которой всегда плавали щепки, сено и гусиные перья.

Вода уже доходила Кольке до пояса, потом до груди. Вот он нырнул, бултыхнув ногами.

Мальчишки замерли на перекате. А что, если Колька не поймает книгу? Она уже намочла, и стоит ей сейчас попасть в воронку, как ее потянет на дно. И прощай Писаренкова работа, прощай все их труды... Разве потом узнаешь, где нашли какой камень?

Пацаны молча смотрели на яму.

Когда Колька, отфыркиваясь, вынырнул, он увидел Константина Петровича. Тот в одних трусах, нагнувшись, стоял на камне. Рядом с ним на сапогах лежала одежда.

— Не прыгайте, вода холодная! — крикнул Колька.

Он загребал одной рукой, а вторая теперь была высоко поднята над головой. В ней Колька сжимал разбухшую книгу.

Он лучше всех на улице Щорса плавал по-чапайски, но тут была крутина, и большая волна захлестнула вдруг Кольку и потащила по кругу.

— Руку давай! — крикнул Константин Петрович.

Но Колька уже снова упорно плыл к камню, и книга все так же была поднята у него над головой.

— Книжку ловите!.. — крикнул, захлебываясь, Колька.

Он выровнялся в воде, работая ногами, размахнулся и швырнул тетрадку Константину Петровичу. И, прежде чем уйти под воду, он увидел, как геолог ловко поймал книжку.

Теперь, без книги, ничего не стоило выбраться из крутины.

Колька несколько раз сильно загреб ладонями снизу вверх и пошел на дно так стремительно, что вода ударила ему в нос, а когда почувствовал под ногами песок, присел, сжавшись в комочек, и потом резко, словно большая рыба, рванулся в сторону.

Вытянутыми руками он нащупал камень и, цепляясь за его щелястую поверхность, подался вверх. Не успел Колька толком открыть глаза, как что-то большое пронеслось над его головой и позади, в крутине, раздался тугой всплеск.

Он быстро вылез на камень и обернулся.

К камню плыл Константин Петрович. Он загребал тоже одной рукой. Другой он поддерживал в воде Писаренка.

Глаза у Писаренка были красные, и Колька сразу понял все. Ведь так оно и должно было случиться: Писаренок бросился в крутину вслед за Колькой, чтобы поймать эту, злосчастную книгу и, конечно, нахлебался воды.

Константин Петрович был уже рядом, и Колька за руки вытащил Писаренка. Только теперь Колька посмотрел наконец на мальчишек. Они все в тех же позах стояли на перекате.

— Выходите, пацаны, все кончилось! — крикнул Колька, приложил ладонь к уху и стал прыгать на одной ноге. — Баба, баба, вылей воду...

Писаренок сидел на камне и тихонько икал.

Константин Петрович, широко расставив ноги, стоял над Писаренком, улыбался и подмигивал Кольке.

Когда все успели обсудить то, что произошло, когда мальчишки объяснили Константину Петровичу, что это за драгоценная книга, когда все осмотрели лагерь, облазили палатки и сфотографировались на память вместе с Константином Петровичем и с его маленьким отрядом, начальник сказал:

— Ну, мальчишки, приступим к делу... Бери-ка, Володя, свою волшебную книгу...

Ребята разобрали мешки и корзины и высыпали камни на маленьком выбитом в траве пятачке среди палаток. Писаренок сел по-турецки в центре и разложил на коленях толстую тетрадь. Тетрадка все еще не просохла. На листах были подтеки, а некоторые из строчек, написанные химическим карандашом, отпечатались друг на друге, и понять что-либо в такой книге было, конечно, трудно...

Шумела река. Пекло послеполуденное солнце. Ветер слегка покачивал ивняк рядом с палатками, и на пятачке шевелилась пестрая сетка из черных и белых пятен.

Один из геологов, высокий парень в соломенной шляпе, разворошил груды камней так, чтобы хорошо было видно каждый в отдельности. Константин Петрович, сидевший на корточках среди ребятшек, протянул руку и взял один — желтоватый, похожий не то на кремень, не то на кусок обыкновенного хозяйственного мыла.

— А ну, посмотри, товарищ Писарь, где нашли этот камешек...

Листы были еще мокрыми, но Володька все равно поспешил палец и принялся листать книжку. Нашел нужную страницу и, нахмурившись, повел мизинцем по строке.

— «Ка-зачия бал-ка, — читал Писаренок по слогам. — У самом на-ча-ли...»

Он так старательно выговаривал каждый слог, что Константину Петровичу, видно, самому захотелось заглянуть в книжку.

Он взял ее из рук Писаренка, посмотрел на запись и усмехнулся:

— Что же это получается, Володь? Вместо «Казачьей» балки у тебя «Казачия»... «В самом начале» — надо «е» на конце, а у тебя — «и»?

Писаренок взял тетрадь у начальника отряда; шмыгнув носом, уставился в строчки, и все увидели, как он краснеет и на щеках у него пропадают конопушки. Разве можно, в самом деле, ударить в грязь лицом перед человеком, который побывал в Антарктиде, который объездил Африку?

— Это водой размыло, — сказал наконец Колька, заглядывая в книгу. — Там правильно было написано — сам видел...

И тоже почему-то покраснел.

А Константин Петрович взъерошил мокрые Писаренковы волосы так, что они стали на голове рыжим кустиком.

— Да, да, — сказал он огорченно. — Я и забыл, что эта волшебная книжка только что побывала в реке. — И потом Кольке: — Так когда, начальник, мы пойдем к этой самой Казачьей балке?

— Да хоть сейчас, — сказал Колька. — А что... что там, в Казачьей балке?..

— Выходим завтра в шесть ноль-ноль, — решил геолог. — А дальше — дальше видно будет, что там, в вашей балке...

О том, что было дальше, подробно написано в районной газете «Советское казачество».

Все, кто ее читал, знают, как мальчишки с улицы Щорса вместе с геологами пошли на другой день к Казачьей балке, как через два дня на одном из склонов вызванная из Армавира специальная машина пробурила большую скважину, в которую заложили динамит, как геологи взорвали этот динамит и при помощи прибора определили, что рядом с Казачьей балкой — залежи меди.

В газете писали даже о том, что «начальник отряда К. П. Рублев подарил ученику пятого класса второй средней школы Н. Богатыреву новую палатку и геологический молоток».

Но нигде не было написано о том, что сказал Константин Петрович Кольке, когда дарил ему эту самую палатку.

— Ну, — сказал он, — можешь себя считать прямо-таки министром геологии и охраны недр станицы Отрадной. Спасибо тебе, Колька, и всем мальчишкам тоже большое спасибо!

Потом геологи поехали дальше, и ребята на машине Константина Петровича провожали их далеко за станицу. Константин Петрович все рассказывал про Африку и про Антарктиду и обещал прислать Кольке и всем мальчишкам фотографии, на которых он снят вместе с вождем одного из негритянских племен, и другую — где его сфотографировали в Антарктиде рядом с королевским пингвином.

Геологи уехали, а мальчишки разбили палатку в саду у Кольки. Сам Колька выстрогал дощечку, а Писаренок унес ее домой.

На следующий день, когда дощечку прикрепили у входа в палатку, все увидели:

МИНИСТР ГЕОЛОГИИ И ОХРАНЫ НЕДР ст. ОТРАДНОЙ

И в этой надписи не было ни одной ошибки.

Глава вторая, в которой рассказывается о том, как главнокомандующий Богатырев руководил операцией «Огненный король»

В станицу приходит утро.

Колька уже выспался, но можно подремать и еще немножко, и он лежит в сарайчике на самодельном топчане, и ему тепло и уютно, а ногам даже чуточку жарко — наверное, опять приходила бабушка, укрыла его теплым колушкой. Сквозь сои пробираются к нему звуки и шорохи, веют знакомые запахи; за каждым из них видится Кольке живая картина, и все это — как светлая утренняя песенка: то ли поют ее на самом деле, то ли звучит она в душе только для тебя одного.

Вот Колька слышит тоненький пересвист и как будто видит щегла. Рядом с сарайчиком сидит щегол на старой акации и смотрит на солнышко черными бусинками — хочет на глаз время определить. Ударил клювом по крылышку, встряхнулся, и на землю неслышно полетело теплое перышко — только какое, не сразу поймешь в полусне: то ли серое перышко, то ли желтое-прежелтое...

А вот сухо трещат тонкие ветки — это бабушка ломает сушнячок на подтопку. Положила его поверх соломы, чиркнула спичкой, и от печки во дворе поплыл в росном воздухе дымок — негустой, некрепкий, как будто ненастоящий...

Потом слышится шорох — тугой шорох и уверенный, — а дверь сарая поскрипывает тихонечко. Красногрудый петух протискивается в сарайчик между дверью и притолокой. Тукает костяными шпорами по плотному земляному полу, шебаршится и кричит негромко, но повелительно, и вслед за ним уже бегут по сарайчику куры.

И почти тут же дверь в сарайчике распаивается шире.

— Ишь, накликал сколько! — ворчит бабушка, замахиваясь на петуха сухой ладошкой. — Кыш отсюда — поспать не дадите!..

Колька снова мягко проваливается в сон, а когда просыпается, слышит рядом с сараем голоса:

— А ты алычового хочешь сварить, детка?..

Это — бабушкин.

— Ну да, Сергеевна, для Валика. Он алычовое любит...

Это голос тети Тони, соседки Богатыревых. Она уже пожилая, только бабушка Сергеевна и может называть ее деткой.

Они разговаривают о таганках, о салициловой кислоте, которую надо класть в варенье, чтобы оно не скисало, а потом тетя Тоня вздыхает грустно, и Кольке отчетливо видится ее лицо: седые волосы, под глазами — морщинки, родинка на подбородке.

— Я, Сергеевна, так расстроилась с утра, — говорит тетя Тоня. — Помните, георгины — самые лучшие? Так вот обломали их нынче ночью. Думала, дети в отпуск приедут — пораду. Нет, обломали...

— Это золотистые-то? — охает бабушка.

— И золотистые тоже, — вздыхает тетя Тоня. — Уж так жалко...

И Колька прислушивается, потому что ему тоже жаль тети Тониных георгинов — нигде на улице нет больше такой красоты, как в ее палисаднике. Летом даже курортники с малыми ребятами на руках приходят смотреть эти замечательные георгины.

— И кто — не знаешь? — допытывается бабушка. — Ничего ночью не слышала?..

— Нет, — говорит тетя Тоня, — не слышала... Только утром вышла ставни открыть — одни бодылки торчат. По самый корешок почти обломали...

— Ай-я-яй! — сокрушается бабушка. И вдруг голос ее становится виноватым: — Тонечка, детка, а уж... не наши ли это? Уж не мой ли Колька?..

Сердце у Кольки схватывает обида. Ему хочется выскочить из сарайчика, крикнуть, что это не он, что не стали бы никогда ни Колька, ни мальчишки рвать тети Тониных георгинов. Что они — воры?..

Но он только сжимается весь, прислушиваясь, что скажет тетя Тоня.

— Бог с вами, Сергеевна, у меня и мысли такой не было, — укорчиво говорит соседка. — Дети, они красоту лучше нас понимают — у меня вон своих было сколько, уж я-то знаю. Вы даже не спрашивайте Кольку, а то обидно ведь...

И на душе у Кольки теплеет, и в ней сейчас столько благодарности к тете Тоне. Только мальчишки никогда про то не рассказывают...

Когда Колька сидит за невысоким столом под вишней, на которой уже густо краснеют крупные ягоды, бабушка морщинистыми пальцами подсовывает к нему поближе блюдце, полное сметаны, и он торопливо макает в нее горячие оладьи.

— Чего это? — спрашивает бабушка, глядя на Кольку внимательно, но он только молча посматривает вбок, туда, где за шелковистыми листьями смородины виднеется ярко-зеленый брезент палатки. — На службу опаздываешь? — как будто серьезно спрашивает бабушка, но у глаз ее собираются морщинки-лучики, и маленький подбородок, под которым аккуратным узелком завязан белый платок, начинает подрагивать. — Взял бы ты себе отпуск да поел бы хоть раз спокойно...

Кольке самому немножко смешно от этих слов, и он уже не оладык, а губу тихонько покусывает, чтобы не подать вида.

Это, во-первых, потому, что он еще не забыл бабушкиных подозрений насчет георгинов, а во-вторых, потому, что дел у Кольки, и верно, очень много — не знаешь, за какое сначала и браться.

Чего скрывать — Кольке Богатыреву нравилось быть министром.

Целыми днями он с важным видом сидел теперь перед палаткой и принимал посетителей.

Посетителей было много. Приходили пацаны с соседних улиц, наведывались малыши, которых приводили Меринята, а однажды пришел даже дед Макарыч, Колькин сосед.

Все ощупывали палатку, удивлялись и просили поддержать настоящий геологический молоток.

Колька протягивал его и не убирал руки — ждал, пока вернут обратно. Небось не у каждого в станице Отрадной есть такой молоток.

Посетители по слогам читали вывеску, нацарапанную Писаренком, и все спрашивали, что такое недра.

— Не знаете? — усмехался Писаренок.

Он надувался от гордости, выдерживал паузу и только потом объяснял:

— Недра — это то, что в земле и под землей...

Посетители понимающе кивали головой.

Единственное, о чем в эти дни разговаривали мальчишки, — это о превращении станицы Отрадной в крупный индустриальный центр.

Каждый день к Кольке поступали все новые сведения. Шурка Меринок, например, первым узнал, что на центральной улице Красной начали рыть траншеи для водопровода. И мальчишки в тот же день отправились на Красную, чтобы на месте ознакомиться с положением дел и высказать водопроводчикам свои предложения и пожелания. Потом Сашка Лопушок принес известия о том, что на старом кладбище запретили хоронить стариков, потому что рядом с кладбищем должна пройти железная дорога. Он божился, что сам видел, как сторож завернул от кладбища большую похоронную процессию.

Мальчишки сходили и на старое кладбище. Сторож ответил, что он ничего подобного не слышал, но ни Кольку, ни его друзей это ничуть не смутило. Откуда ему слышать, верно? Бедному сторожу толком и поговорить ведь не с кем. Пацаны оглядели степь рядом с кладбищем и решили, что место здесь для железной дороги и в самом деле очень подходящее. Ровное поле — ни бугорка тебе, ни оврага. Здесь, конечно, и надо строить. И чем скорей, тем лучше. Иначе какой же это город без железной дороги.

В том, что Отрадная не сегодня-завтра станет городом, никто из пацанов ни капельки не сомневался. В станице Лабинской, например, есть всего одна консервная фабрика да мясокомбинат. И то все уже говорят: город Лабинск. И в газетах так пишут.

А разве Отрадная хуже?

Одно за последнее время смущало Кольку: никто на улице Щорса не собирал больше минералов и, что самое обидное, даже лично у него, у Богатырева, не было на этот счет никаких таких особенных планов. Правда, если заняться только камнями, думал Колька, то как же с остальными делами?..

Кто, например, будет купать коммунхозовских коней? Кто уследит, чтобы на речке все рыбаки, даже взрослые, отпускали мальков? Кто будет спасать из воды мальчишек-курортников, которых, что ни говори, тоже все-таки жалко? Ведь если бы не пацаны с улицы Щорса, давно бы перевелась в реке рыба, кроты бы изрыли всю землю, змеи и пауки, с которыми воевать больше некому, свободно ползали бы по дворам, а люди на улице Щорса всю жизнь так и прожили бы без керосина, потому что усатый керосинщик дядя Степан не ездит ведь дальше пивной, что на углу, в самом начале улицы. Ездят они, мальчишки.

Много дел у мальчишек с улицы Щорса, а теперь, думает Колька, еще прибавится. Не будут же они сидеть сложа руки, если на их родной улице обрывают ночью георгины, лучше которых не найти во всей станице.

Через полчаса Колька сидит на большом камне около дома на углу улицы Щорса и Первомайской. Из камня еще не успел уйти ночной холодок, в раковинках и трещинах на нем даже не просохла роса, и Колька подкладывает под себя то одну ладонь, то другую — греется.

Из-за угла выходит наконец тетя Тоня. Она несет ведро желтой алычи. Колька здороваается с ней, не поднимаясь с камня, и только потом, когда она уже проходит мимо, как бы между прочим говорит:

— Давайте помогу, тетя Тоня... Все равно я пока без дела...

— Оно же тяжелое, — улыбается тетя Тоня. — Да я и не очень устала...

Но Колька уже отбирает ведро и идет так, что оно совсем не задевает его крючком от дужки — вовсе ведро не тяжелое.

— Теть Тоня, слышал, у вас георгины обломали? — тоже как бы между прочим интересуется потом Колька.

— Оборвали, окаянные, — вздыхает тетя Тоня. — И «огненного короля» теперь нет, и «оранжевого императора». И как только увидели ночью — все лучшие...

— А можно, я посмотрю, тетя Тоня?..

Вместе они заходят в палисадник.

Колька трогает за чем-то еще не успевшие присохнуть бодылки, на которых лоскутками висит зеленоватая кожица, приседает около куста. Рядом с побеленными камушками на грядке — продолговатая вмятина.

— Смотрите, след, — шепчет Колька.

— Стрелять надо бандитов! — громко говорит кто-то через улицу, и Богатырев поднимает голову.

За решетчатыми воротами стоит в своем дворе Сидор Иванович Шатров. У ног его — красная лейка. Большая лейка, ведра на два — как он только не надорвется.

— Сегодня, понимаете, за цветами, а завтра — с ножом? — снова говорит Шатров и почему-то смотрит на Кольку.

— Такая у него нога, — говорит Колька, краснея, и втыкает щепочки по краям вмятины. — Вы, тетя Тоня, не переживайте, мы его обязательно поймаем...

— Спасибо тебе. Да только как ты его поймашь?..

— Поймаем! — уверенно обещает Колька. — Сейчас я пацанов соберу...

...В то же утро началась операция «Огненный король», которая наверняка золотыми буквами будет вписана в историю походов и войн улицы Щорса.

Почти до обеда мальчишки пропадали на базаре. Они толкались в толпе и подолгу стояли перед продавцами цветов, восхищаясь ярко-красными пионами на тугих зеленых ножках, оранжевыми настурциями, львиным зевом и вообще всеми цветами, которые только были на базаре. Но особый интерес они проявляли к георгинам.

Походу на базар предшествовал инструктаж, проведенный Колькой во дворе у тети Тони, и теперь даже Володька Писарь мог отличить «огненного короля» от «оранжевого императора».

Базар шумел. Задрав клювы, гоготали гуси, степенно побрякивали цветастые селезни, откормленные в сетках на весу, скрипели тачки, доверху наполненные румяными яблоками, мясистыми помидорами, абрикосами, большими и желтыми, как мандарины. Над поливленными кувшинами и макитрами с молодым медом вились пчелы. За мясным рядом, наострив уши, лежали бродячие собаки.

Но все это не интересовало мальчишек.

Время от времени они выныривали из густой толпы и, разинув рот — так велел Колька, — останавливались перед цветочницами. И в разных концах базара говорили одно и то же:

— Ой, тетя, какие красивые у вас георгины!..

Потом мальчишки поодаль шли за цветочницами, когда те добирались домой, а потом, уже в своей палатке, Колька принимал донесения.

Они были неутешительными.

Если тетка с другого края станицы продавала «артистку Ермолову», то такие же цветы обязательно росли у нее перед домом. Если незнакомая девчонка за целых пятьдесят копеек продала «южную ночь», то она поклялась, когда ее поймали около кино, что сорвала цветок у своих соседей. А жила девчонка за Тегинем — маленькой речкой, которая текла далеко от улицы Щорса.

— Ничего, — сказал Колька, когда выслушал в палатке все донесения, — все равно мы выследим этого вора. И поймаем... А пока наша улица Щорса объявляется на осадном положении...

В темной палатке стало тихо. Слышно было, как по саду прошелся ветер, как с яблони рядом с палаткой, прошелестев по листьям, сорвалось и шмякнулось в траву гнилое яблоко. В дальнем конце сада закричал сорокопуд: «Вжик-жик-жик!..»

— К вечеру мы должны вооружиться. — Колька почему-то перешел на шепот. — Несите сюда все оружие, у кого что есть... У кого нет, будем делать. Мы с Писаренком пойдем сейчас на сушку...

Сушка — сушильная фабрика. С утра до вечера к ней подъезжают машины — везут яблоки-

скороспелки и алычу, капусту и помидоры. Прямо среди двора сидят здесь тетки в клеенчатых фартуках, поют песни и большими ножиками срезают с кочанов порченые листья. У них всегда можно выпросить сколько хочешь капустных кочерыжек.

На фабрике сушат яблоки, дают абрикосовый сок — да мало ли еще всяких вкусных вещей можно достать на сушке!

Но разве настоящий мальчишка может допустить хоть на минуту, что в такое суровое время Колька решил отправиться за кочерыжками или там за абрикосовым соком?

Дело в том, что сразу за воротами сушки стоит маленькая деревянная хибарка, из которой все время несется глухой стук. Два бондаря — дядя Леня и Володька Дрыжик — делают здесь бочки, и у них можно достать сколько угодно старых обручей. А какой мальчишка не знает, что именно из обручей делаются самые настоящие сабли: длинные — казацкие, кривые — турецкие. И еще множество всяких, каких душа твоя пожелает.

Колька и Писаренок шли к сушке.

Третий день подряд солнце над станицей стояло такое раскаленное, как будто его только что вынули из кузнечного горна, и даже листья акаций сникли, привяли, свернулись трубочками. Пыль была густой, горячей и серой, как пепел.

Подшвы пекло так, как будто идешь по золе от недавно потухшего костра.

— Иди за мной. Писарь, — сказал Колька.

Министр пришлепывал по пыли, и она разлеталась под ступнями. За Колькой оставались широкие следы, Володька теперь шел по ним. И ноги ему совсем не жгло.

Они свернули на Первомайскую, прошли мимо штакетных заборчиков, через которые переплеснулись на улицу жиловатые плети хмеля, и вышли на Курортную.

Здесь мальчишки прошмыгнули в чуть приоткрытые ворота и быстро пересекли двор.

В мастерской стоял грохот — дядя Леня набивал обруч на толстенную дубовую бочку. Обруч шел туго, и перед каждым ударом молотка бондарь приговаривал:

— Поджимай живот!.. Поджимай живот!..

У выхода из мастерской толпились уже готовые пузатые бочонки, стройные кадки, под верстаком лежали присыпанные стружками доски для кадушек, рядом — рыжий круг точила с блестящей ручкой, а за ним — новенькие железные полоски, из которых получаются самые что ни на есть хорошие сабли.

Пол в мастерской был усыпан стружками, обломками ржавого железа, а среди всего этого сора проглядывали толстенные заклепки, которые тоже, конечно, пригодятся, чтобы прибивать к саблям усики.

Наконец толстенная бочка поджала свой «живот», дядя Леня бросил молоток на верстак и обернулся к ребятам.

— Рад позать руку великому землепроходцу! — сказал он Кольке.

Бондарь достал портсигар, постучал мундштуком папиросы по каким-то диковинным птицам, выгравированным на крышке, закурил. Глянул потом на Кольку, спросил, прищурившись:

— Что, ухудшилась международная обстановка?

Всякий раз, когда на улице Щорса замышляли дальние походы и войны, мальчишки приходили к бондарю, поэтому он и сейчас знал, зачем к нему пожаловали Колька и Писаренок.

— Война-то хоть справедливая? — снова спросил дядя Леня.

— Очень справедливая, — сказал Колька. — Вора хотим поймать, который георгины оборвал у тети Тони...

— Слышал про это, — сказал дядя Леня. — Ну что ж, если мои обручи помогут, берите...

Кто не знает, как сделать саблю?

Нужно выпрямить обруч, а потом отбить одну сторону так, как отбивают косы. И железная полоса сама по себе искрится ровно настолько, чтобы стать похожей на самую настоящую саблю. Отмеривай рукоятку и заклепкой прибивай к сабле усики — железную полоску, которая будет защищать твою руку от вражеских ударов. Потом клади саблю в костер, а когда она накалится докрасна, вынимай и быстро опускай в бочку с водой, которую ты натаскал, чтобы поливать вечером помидоры и огурцы.

Снимай затем синеватую окалину, и сабля готова — крепкая, словно стальная. Такая сабля ни за что не согнется в бою.

Конечно, лучше всего самому хоть разок посмотреть, как это делают опытные оружейники — такие, как, скажем, Колька и Писаренок. И если бы кто из вас чудом оказался в тот вечер и саду у Кольки, конечно, увидел бы, как куются клинки.

А на следующее утро ребята снова пошли на базар.

Отправив мальчишек на поиски, Колька подошел к чернобородому старику точильщику, которому он часто помогал, когда тот ходил по улице Щорса.

— Я и сегодня около нас постою, — попросил он. — Ладно, Макарыч?..

— Поймай, — согласился Макарыч. — Места не жалко. Только не распугает твоя ищейка моих клиентов?..

Он поглядел на маленькую Колькину собаку, которую тот держал на веревочном поводке, и Колька тоже оглянулся на Джульбарса.

— Нет, — сказал он, — не распугает...

— А то ведь я знаю, что это за собака! — поднял Макарыч указательный палец.

Тут надо сказать, что Колькин Джульбарс был самой знаменитой собакой на улице Щорса. Когда-то он носил скромное имя Пушок и его вечно обижали даже самые неавторитетные дворняжки. У Пушка был очень спокойный характер и добрый нрав. Целыми днями он валялся в тени или миролюбиво приставал к большой ленивой Колькиной кошке.

Но разве такая собака должна быть у бедового мальчишки?

Колька решил воспитать Пушка.

Однажды на улице дрались собаки. Они взвизгивали и рычали, разношерстный клубок с воем катался по дороге. Колька подбежал к собакам и бросил Пушка в самую середину.

Когда клубок распался и собаки разбежались, Пушок остался лежать на улице с прокушенным горлом. После этого он месяц валялся на старом ватнике в сарае, а когда ожил и впервые залаял, бабушка Сергеевна перекрестилась, быстренько добежала до дома и закрыла за собой дверь. У Пушка был густой и могучий бас.

Когда теперь вечером Пушок брехал на луну, все собаки с соседних кварталов, трусливо поджав хвосты, убегали в конуры. Казалось, африканского льва вели по улице Щорса на прогулку.

Разве могла такая достойная собака носить ничего не говорящую кличку?

Мальчишки дали Пушку звонкое имя Джульбарс и отправили письмо с предложением забрать собаку на одну из пограничных застав. Они писали, что если Джульбарса на ночь привязать где-нибудь в укромном местечке, то пограничникам останется только одно: утром объезжать границу на грузовике и складывать в него мертвых шпионов. Шпионы должны были умирать от разрыва сердца.

Пограничники все не приезжали, и бывший Пушок, а ныне Джульбарс терроризировал пока местное население.

Теперь Колька привязал Джульбарса к ножке точила и сам стал на место Макарыча, взяв у него из рук большой столовый ножик, а старик сел на скамеечке рядом, придирчиво наблюдая за тем, как работает Колька.

А Колька, нажимая босой ногой на педаль и глядя, как из-под ножа, лезвие которого стало уже горячим, вылетают колючие голубоватые искры, думал о том, как было бы здорово, если бы Макарыч позволил мальчишкам наточить на его машине и без того, конечно, острые сабли.

Он уже открыл рот, чтобы заговорить об этом, как вдруг к брезентовому навесу, под которым они сидели, подбежал Лопушок. Он делал Кольке какие-то непонятные знаки, и все лицо его выражало нетерпение. Колька перестал вертеть круг, отдал чернобородому ножик и подошел к Лопушку.

— Колечка, нашел! — Глаза у Сашки горели, он часто дышал.

Колька нахмурился:

— Забыл?

Лопушок опустил руки по швам и стал «смирно». Только маленький Сашкин живот ходил под голубой майкой.

— Товарищ главнокомандующий! — сказал наконец Сашка. — Докладывает лейтенант безопасности Лопушков. Я обнаружил «короля», который пропал позавчера! Мы обнаружили...

— Там кто-нибудь есть? — заволновался Колька, сам забыв об уставе.

— Да Писаренок... Следит.

— Пошли!..

Колька забыл даже вместо себя оставить связного. Он спешил.

Мальчишки мчались как на пожар. Лейтенант безопасности Лопушков в нескольких метрах от цели наступил на колючку, но, к удивлению Кольки, даже не остановился и храбро дохромал до большого веза с белыми от муки мешками.

— Вот он! — прошептал лейтенант и упал на землю. Упал потому, что его толкнул Колька, так как в ту минуту парень с георгинами в руках посмотрел в их сторону.

Лопушок сел на землю, поспешил палец и принялся оттирать грязь наступил в том месте, где застряла колючка.

Главнокомандующий Богатырев оценивал положение.

Вот из-за киоска часовщика показалось маленькое личико Писаренка. Он поглядел на парня с цветами, потом начал осматриваться. Колька настойчиво ловил взгляд Писаренка.

Наконец Володька увидел главнокомандующего. Колька мгновенно взялся за правое ухо. Писаренок высунулся из-за киоска и тоже взялся за ухо. Это значило, что они видят друг друга.

Потом Колька взялся за левое, и через две минуты Писаренок тоже сидел за возом с мукой.

— Собрать лейтенантов! — приказал главнокомандующий. Так как в армии у Кольки были только самые испытанные и самые закаленные мальчишки, то все они на время операции «Огненный король» получили звание лейтенантов безопасности улицы Щорса, а комиссар Витька Орех ходил теперь даже в подполковниках.

Вскоре все были в сборе, и за возами с мукой состоялся военный совет.

Он был очень коротким. Колька предложил всем вместе — по двое — идти вслед за парнем, куда бы он ни пошел и где бы ни жил. Лейтенанты и подполковник, как один, поддержали предложение главнокомандующего.

Махно — так было решено на военном совете назвать вора — был высокий и чуть сутуловатый парень. На нем коричневый в полоску костюм с обтрепанными рукавами. Черные и длинные, почти до плеч, волосы, видно, не расчесаны, глаза у Махно какие-то сонные и в то же время беспокойные.

Цветы он держит в мокрой газетке, и, когда поворачивается в сторону мальчишек, им хорошо видна желто-розовая голова «огненного короля».

Махно то и дело оглядывается и курит одну папиросу за другой.

Окурки он бросает рядом, и Шурка Меринок уже успел незаметно подобрать несколько штук. Теперь они лежали за пазухой главнокомандующего, завернутые в большой зеленый лопух.

На базаре уже почти никого не осталось. Уехали и возы с мукой, и мальчишкам пришлось перебраться в другое место.

Махно, видно, решил тоже идти домой.

В киоске он купил еще одну газету и завернул в нее букет, который остался от продажи.

Махно отправился к центру станицы, и мальчишки поодаль пошли за ним по двое по обеим сторонам улицы. Колька, который успел забежать к точильщику, чтобы захватить Джульбарса, шел первым в паре с Писаренком, лейтенантом безопасности Владимиром Селезевым. Шли они тихо, жались к заборам. Иногда падали на землю, потом вскакивали и перебежали вперед до новой остановки. Кольке в это время приходилось брать Джульбарса на руки, потому что бежать сам тот никак не хотел.

Махно, правда, ни разу не оглянулся, но ведь он, может быть, просто делал вид, что не замечает разведчиков. О, этот Махно мог оказаться матерым волком!

Поэтому и другие мальчишки проявляли чудеса ловкости. Подполковник Орехов и лейтенант Меринков, которые шли по другой стороне улицы вдоль забора станичного парка, три раза уже перелезали через забор и обратно, а лейтенанты Лопушков и Левин успели обежать целый квартал и выйти снова на след Махно.

Парень с букетом перешел через улицу, постоял около витрины с желтыми листками объявлений и открыл дверь в столовую.

Колька остановился и взялся за левое ухо. Потом вся армия уселась на ступеньках крыльца напротив столовой. Подполковник Орехов получил особое задание — выследить Махно в столовой.

Витьки долго не было, и мальчишкам уже надоело сидеть на одном месте. Все истории, которые случились с ними за этот день, уже были рассказаны, да и, если честно признаться, всем очень хотелось есть. Лопушок уже начал хныкать, и Колька пригрозил, что разжалует его в сержанты, но тут в дверях столовой появился подполковник. Под мышкой он держал буханку ржаного хлеба.

В другое время мальчишки громко прокричали бы «ура», но сейчас ведь они находились на выполнении важного задания. Поэтому они только толкали локтями друг друга и радостно перемигивались.

Подполковник недаром носил такое звание.

— Махно взял целую поллитру! — громко отрапортовал он. — Допивает, страшно смотреть...

И уже потом только, кивнув на хлеб, грустно добавил:

— На кино мама деньги дала...

Махно вышел из столовой, когда от буханки уже ничего не осталось. Только Джульбарс, подергивая черным носом, отыскивал в пыли крошки.

Теперь парень слегка пошатывался, но все так же прижимал к себе букет.

И снова пошли за ним мальчишки.

Они миновали центр, прошли по Красной улице, потом свернули на Мостовую. Проходя мимо заборов, парень с букетом заглядывал во дворы, как будто искал что-то глазами, и мальчишки теперь были уверены, что именно он по ночам рвет цветы.

Махно дошел почти до моста и повернул к большому старому дому под черепичной крышей. Пнув калитку ногой, он вошел во двор. Мальчишки пробежали, пригибаясь к плетню, и бросились на землю. Куда он денет цветы?

Мимо дома через палисадник, в котором густо рос только пожухлый бурьян, Махно прошел к сараю, потом оглянулся почему-то и толкнул дверь.

Когда он вышел оттуда, в руках у него уже не было цветов.

Теперь Махно негромко напевал. Из-под плоского камня у порога он достал ключ и вошел в дом. Колькина армия обошла двор и вышла к задам, спускающимся к реке. Мальчишки один за другим торопились по тропинке.

Колька оставил армию у плетня, а сам в дырку скользнул в огород и ящерицей пополз к старому дому.

Сердце у Кольки тревожно билось, когда он поднялся перед окном и осторожно заглянул в дом.

Махно, разбросав руки, спал на диване.

Главнокомандующий махнул саблей, и армия по одному поползла по Колькиному следу. Один связной стал у окна, другой пробежал к воротам. Остальные хлынули в сарай.

В сарае лежали дрова, стояли старые ульи. Пахло дубовыми вениками, керосином. В углу приткнулось цинковое ведро, покрытое черной тряпкой.

Колька сорвал тряпку, и армия обомлела.

В ведре, тесно прижавшись друг к другу, стояли георгины. Хоть и пленные, они гордо держали головы и храбро смотрели на неизвестных пришельцев.

Веселыми рыжими глазами дерзко глядел на Кольку «огненный король». У самого края ведра, опустив пышную голову, покорно ждал своей участи «оранжевый император».

— Свобода! — громко прошептал Колька и легонько тронул «императора».

— Вас хотели продать в рабство, но мы спасли вас! — сказал георгинам Писаренок.

Колька осторожно приподнял пленников над ведром и подождал так, пока Писаренок обеими ладошками плескал воду на их нерасчесанные разноцветные головы. Потом Володька снял свою красную футболку и ею прикрыл георгины.

Выскочив за ограду, армия спустилась к реке.

— В воду! — приказал Колька.

И мальчишки быстро пошли вдоль бережка по неглубокому. Река разливалась здесь широко, и под горой на той стороне ломались о скалы острые буруны, зато здесь вода стояла почти неподвижно.

Мальчишки оскользались на коричневатых, покрытых крошечными водорослями камнях, идти было трудно. Джульбарса теперь пес на руках Витька Орех. Зато пусть-ка Махно попробует напасть на их след. Никакая ищейка не поможет!

Вскоре армия добралась до улицы Щорса.

— Теть Тоня! — закричал Колька у порога, а когда та вышла, сдернул с цветов красную футболку Писаренка. — Ваши?

— «Огненный король»! — всплеснула тетя Тоня руками. — Где же нашли, Коля?..

— О, мы да не найдем! — засмеялся Колька. — Мы и вора сегодня поймает — сами увидите...

— Так-таки сегодня? — не поверила тетя Тоня.

Колька посерьезнел.

— Завтра воскресенье, ему же деньги нужны...

— А георгины, — вставил Писаренок, — на воле!..

— Вот он и ползет. Он же думает, что вы одна живете, так вас и защитить некому!

— А если ударит? — строго спросила тетя Тоня. — Что тогда? Нет, дети, лучше вам с ним не связываться!..

— Теть Тоня! — воскликнул Колька.

Вся армия смотрела на нее с такой просьбой, что той ничего не оставалось делать, как согласиться.

— Ладно, — сказала она. — Приходите. Утро вечера мудренее...

— Нет, тетя Тоня, вечер, — поправил Колька. — Поймаем его нынче вечером...

И снова потом — на этот раз в Колькиной палатке — состоялся военный совет. Мальчишки разработали план окончания операции «Огненный король».

Колька принес в палатку табурет, листок бумаги и цветные карандаши. И вся армия следила за тем, как он чертит карту тети Тониного двора. Карта была разноцветной — черный забор, зеленые

грядки и сад, красные — дом, сарай, беседка в саду.

— Где он полезет? — спросил Колька, когда карта была готова.

— Через плетень! — сказал Писаренок.

— Да в калитку войдет, и все! — решил Меринок.

— Или из чужого двора — через сад, — предположил Сашка Лопушок.

И только один комиссар Витька Орехов пока молчал.

— Сто дорог! — вздохнул Колька. И тут же вдруг оживился: — Давайте, пацаны, так... У меня есть гитара, поняли? Мы с нее струны сдерем — бабушка разрешит, она эту гитару чего-то не любит. И натянем струны в разных концах во дворе. А сами сядем в кукурузе. Вот он войдет, а струна — дз-з-зынь!.. — Колька поднял палец и наклонил голову, как будто прислушивался к зазвеневшей струне. — Какая струна зазвенит, там он, значит, и лезет. А я струны хорошо знаю...

— А чего дальше? — спросил Витька Орех.

— А дальше — цап его! — объяснил Колька и для убедительности схватил за шею Писаренка. — Вот так, понял?.. А потом — судить!..

— Не пойдет, Коля, — серьезно решил Витька. — Услышит струны и удерет. Только себя так выдадим.

— Не пойдет! — сказал Колька. — А как же?..

— Он, по-моему, с улицы во двор через колодец полезет. Это же в ограде самое низкое место, — объяснил Витька. — Тут недалеко нам и надо спрятаться. Так, Писарь?..

Писаренок кивнул головой, и Кольке тоже пришлось согласиться: недаром же Витька Орех был теперь подполковником безопасности улицы Щорса...

И вот наступил вечер. Время близилось к десяти. Уже возвращались из-за реки и прошли по улице Щорса коровы, уже отгремели во дворах подоюники.

Первыми пришли во двор к тете Тоне Колька и Вовка Писарь. Сидят теперь за домом на теплых ракушечниковых камнях, которые подложены под окна, чтобы легко доставать до ставен.

На улице тихо. Не шевелясь, стоят у дома акации. На западе в сумеречном небе медленно полыхают спокойные зарницы.

Колька и Вовка Писаренок смотрят на небо. Оно быстро темнеет, и вот уже на нем одна за другой появляются звезды.

Когда у нас день, у звезд, наверное, ночь, а когда ночь приходит к нам, у них, пожалуй, начинается день. И первыми выходят из дома и появляются на небе, конечно, самые большие звезды. Сначала они щурятся и мигают, потому что еще не очень темно, да и кому, скажите, хочется вставать рано? Потом сон у них окончательно проходит, и они пристально смотрят на землю. Такая, наверное, у них работа.

За ними появляются звезды поменьше, и самыми последними выходят на улицу звезды-малыши. Они еще такие крошечные, что их можно увидеть, если долго смотреть в одну точку.

За темной зеленью ярко светятся окна. В домах вечеряют.

У пенсионера Шатрова, который живет напротив, громко играет радиола. Саратовские девочки поют про любовь. Потом Шатров выходит из дому и закрывает ставни. Ложится он раньше всех — ему ведь чуть свет надо спешить на базар. Днем и вечером он возится у себя в огороде, а утром продает на базаре огромные красные помидоры.

Замирает, готовясь ко сну, улица Щорса.

Постепенно сходятся к дому тети Тони мальчишки. Все они вооружены до зубов, у самого Кольки поверх кепки надета пробитая немецкая каска, за школьным ремнем — пара громадных «поджигов», точь-в-точь напоминающих разбойничьи пистолеты. Сбоку болтается кривая тонкая сабля с усиками из консервной банки.

Раньше половины двенадцатого — часа Махно ожидать не приходится, и пока мальчишки сидят в огороде на разостланной шубе и рассказывают истории, одну страшней другой. И с каждой рассказанной историей они все теснее прижимаются друг к другу, так как чему не веришь днем — обязательно веришь ночью, когда вокруг лежит сторожкая тишина, когда только трещат в темной траве сверчки да татарская луна, полная и красная, не мигая смотрит на землю.

— А вот с дедушкой моим было... — доверительно шепчет Писаренок. — Идет, значит, раз поздно вечером, а за ним — цыгарка. Человека нет, одна она, огонек только. Дедушка остановился, и она тоже. Он побежит — она за ним... Еле убежал...

— И с моим дедушкой такое было, — говорит Меринок тоже шепотом.

Над землей ярко светится Млечный Путь, коромыслом перекинувшийся от одного темного горизонта к другому. Мальчишки пока мало думают об этом пути. Они еще не знают, что это по нему

уйдут они скоро из дому, младшим братьям оставив бесконечные войны, разбитые носы и страшные истории, рассказанные в эту июльскую ночь...

Негромко скрипит калитка, и разом стихает шепот, замирают мальчишки.

Неужели это вор Махно пришел так рано?..

Вот он смело идет по двору, слышно, как под ногами у него поскрипывают мелкие камешки. Вот подходит все ближе, а мальчишки сидят не шелохнувшись — как могли они прозевать такое?!

И от той неожиданности, с которой появился Махно, мальчишкам становится жутковато, и каждый из них чувствует себя так, как будто он сидит здесь один...

— Ну, гвардейцы, что притихли?..

Х-х-о-о!.. Какой же это Махно, — это Саша Вертков, сосед тети Тони. Он работает конюхом в станичном коммунхозе.

Мальчишки облегченно вздыхают, а Саша, позевывая, садится на край вытертой шубы.

— Что-то мне тоже не спится, — говорит он негромко. — Посидеть тут с вами, что ли... Не помешаю?..

— Садись, Саш, что ты, — говорит Писаренок и смотрит на Кольку: может, сказать соседу тети Тони, зачем они тут сидят?

А в душу к Богатыреву закрадывается подозрение: если кому-то не спится, обязательно надо идти во двор к тете Тоне? Но Колька пока не подает виду, а только говорит тоже:

— Садись, Саш. Тебя целый день что-то не было видно...

— От те раз! — удивляется сосед. — Это вас, скажи лучше, не было видно. А я сегодня, между прочим, полдня по нашей улице ездил. Глину возил Астаховым — дом их маленько решили подремонтировать...

Тетя Поля и дядя Иван Астаховы — слепые. Они живут на другом конце квартала, недалеко от Вовки Писаренка. Раз в год-полтора вся улица идет им помогать — и тетя Тоня, и мать Писаренка, и Меринкова мать, и бабушка Сергеевна тоже. Правда, бабушка Сергеевна не месит глину, не мажет, не белит. Пока все работают, она готовит обед, чтобы потом накормить всех, кто Астаховым помогал.

— Надо, конечно, — соглашается Колька.

Саша смотрит на светящиеся стрелки своих часов.

— Пойду, пожалуй... Вам тут не скучно одним?..

— Да что ты, Саш! — горячо говорит Колька.

Снова поскрипывает калитка.

— Пора, — шепотом командует Богатырев. — Надо идти по местам...

На перевернутом ящике за кустом воскового дерева, прямо против колодца, примостились Витька Орех и Писаренок. За углом дома залег Юрка Левин. Глухо бренча саблей, полез на акацию Колька. На другую, чуть поодаль, взобрались друг за другом Меринок с Лопушком.

— Вы не упадите там! — громко зашептал им Колька.

— Не, Коль, не бойся! — тихонько проговорил Лопушок. — Я сейчас к ветке поясом прицеплюсь...

Проходит, наверное, с четверть часа, и мальчишки начинают тихонько шептаться на своих местах — надоедает все-таки сидеть молча.

Но вот с улицы доносятся шаги, и все прислушиваются.

Кто-то прошел мимо двора, потом постоял, видно, немного, повернул обратно. Идет осторожно, опять останавливается — рядом с колодцем.

Может быть, этот Махно боится засады и теперь вглядывается во двор: нет ли чего подозрительного? Так будь ты хоть какой разведчик, все равно сейчас ничего не увидишь, ничего не поймешь. Разве только можешь услышать, как сердца стучат у мальчишек.

Но ведь такие, как Махно, никогда не прислушиваются к этому стуку.

Затрещал плетень.

Парень взялся за кол, стал на одну стенку колодезного сруба, потом на вторую и легко спрыгнул во двор.

И в тот же миг послышался треск вверху акаций, там что-то забренчало и звякнуло, и на плечи Махно с шумом сорвался Колька. Тот споткнулся под тяжестью Колькиного тела, рванулся вбок, и Колька, перевернувшись, упал на землю. Он тут же попытался схватить Махно за ногу и вдруг увидел, как с улицы через плетень в палисадник тети Тони махнул еще кто-то, а потом голос Саши Верткова сказал быстро:

— Молодцы... Так. Это правильно...

Приподнявшись, Колька увидел, как Сашины руки проскользнули сзади под мышками у парня и замкнулись замком на затылке. Саша резко повернулся к Махно бедром, чтобы тот не мог ударить его

ногой, и надавил на шею.

— А ну-ка, свет! — громко сказал Саша Вертков.

Вокруг вспыхнули фонарики.

— Поймали-и! — завопил Писарь.

Парень неожиданно резко присел и повалился вперед. Но драки, похожей на те, которые обычно показывают в шпионских фильмах, не последовало, потому что очень крепко держал его Саша.

— Вставай, нечего дурака валять! — сказал он парню, все так же приподнимая его за подмышки.

Рядом суетились мальчишки.

Саша подтолкнул парня вперед.

— Ты, друг, пошли...

— Подождите! — закричал Писаренок. — Сейчас мы свяжем его — тогда...

Когда они все вошли на веранду и зажгли свет, за столом сразу же расположился Писаренок.

Раскрыл свою амбарную книжку, смотрит на Махно.

Двое из мальчишек с шашками наголо замерли у двери, остальные стоят вокруг Махно, взявшись за рукоятки сабель.

На шум из комнаты вышла тетя Тоня. Она в старом ситцевом халате. Поправила за ухом седую прядь, стоит теперь, сложив руки на груди, укоризненно качает головой.

— Он, тетя Тоня! — Колька ткнул пистолетом в сторону Махно.

Парень посмотрел на Сашу Верткова.

— Да за что вы меня, ребята?.. Вы хоть объясните...

Саша кивнул на мальчишек:

— Объяснят сейчас, не волнуйся...

Колька сел за стол и хлопнул в ладоши.

На полу около стола стояло ведро, накрытое тряпкой.

Шурка Меринок взял его и поставил на угол стола, потом сдернул тряпку.

Парень быстро взглянул на цветы и тут же отвернулся.

— Ты украл? Признавайся! — Голос Кольки звучал гордо.

Махно снова посмотрел на Сашу:

— Ты здесь хозяин? Никаких я георгинов не знаю... Чего вы меня привели?..

— Ты послушай ребят, — сказал Саша.

— Бросьте вы тут комедию ломать!..

— Цветы с нашей грядки. — Это сказала тетя Тоня и показала ладони. — Я их вот этими руками весной сажала... Пусть, думаю, красота будет — всем приятно... Да еще дети в отпуск приедут... А их вот у вас Николай нашел... Как не стыдно, молодой человек! Вот ребятки меньше, а лучше вашего все понимают...

— Не брал я ваших цветов!..

Колька достал из-за пазухи газетный сверток и развернул его. Мальчишки переглянулись.

— У тебя есть закурить? — спросил Витька Орех.

— Пожалуйста! — Парень криво улыбнулся. Полез в карман и вытащил измятую пачку «Севера».

Витька Орех взял папиросу и положил ее на стол.

Колька посмотрел на марку.

— А-а-а, что!.. Твои окурки! Скажешь, не ты продавал сегодня эти цветы на базаре?!

Конечно, со временем из Кольки вышел бы отличный чекист. Но сейчас он безжалостно запутывал следствие.

— Да бросьте вы, — сморщился парень. — Чего пристали к человеку?!

— Значит, ты не рвал цветы и не продавал их на базаре? — спокойно спросил Саша.

— Нет, конечно!..

Саша посмотрел на ребят, на тетю Тоню.

— Ничего не поделаешь... Вы тут постерегите пока его, а я схожу за милиционером... — Он повернулся и шагнул за дверь.

— Э, парень, да подожди ты! — крикнул Махно.

— Ты что-то хочешь сказать? — В голосе у Саши сквозила насмешка.

— Ну, так договоримся... Чего там — сразу в милицию...

— А ну-ка садись! — Саша взял парня за плечи и усадил за стол. — Ребята, есть бумага и чернила?

..

— Протокол, что ли? — спросил парень испуганно.

— Да нет, — пожал Саша плечами, — Просто ты напишешь небольшую расписку... Бери ручку!..

Парень взял ручку, которую протянул ему Писаренок.
— Пиши! — приказал Саша.
— «Я... такой-то... полез за цветами во двор...» Пиши-пиши...
Парень не двигался. Саша положил ему руку на плечо.
— Как хочешь... Но у тебя только два выхода...
— Как дальше? — спустя минуту спросил парень.
— «...во двор на улице Щорса...» Написал? Дальше. Запятую поставь, «...но меня поймали мальчишки, отряд Николая Богатырева...»
Мальчишки во все глаза смотрели то на Сашу, то на Махно. Когда Саша произнес Колькину фамилию, тот приосанился и посмотрел на ребят. Те гордо переглянулись.
— «Я обещаю, что не буду больше заниматься такими делами, — диктовал Саша, — и даю слово, что не трону никого из них ни на улице, ни на речке». Так? Ставь подпись.
Махно расписался.
— Ну?..
— Ну и все, — рассудил Саша. — Гад ты порядочный. По шее тебе разок дать не мешало бы за твои дела...
Саша взял бумагу и пробежал ее глазами.
— Лучше бы в вечернюю школу пошел. — Он протянул бумагу Кольке. — Ну, а теперь ты свободен. Иди!..
Махно встал и затоптался на месте. Не поднял головы, ни на кого не глянул.
— Ну, так я пойду?..
— Иди, — пожал Саша плечами. — Чего ж ты?
Вор осторожно отставил табурет и шагнул к выходу. Мальчишки расступились. Стража опустила сабли. Стало тихо.
Какие-то пять-шесть шагов парень прошел по веранде медленно, боком, как будто ожидая удара.
— Воришка несчастный! — звонко сказал Писарь в спину.
Парень вздрогнул и на секунду остановился. Потом еще ниже опустил голову и шагнул в темноту... Вдруг все прислушались.
Заскрипела калитка, и чей-то голос громко спросил:
— Дома хозяйка?..
Слышно было, как парень, который еще не успел уйти со двора, торопливо ответил:
— Д-дома...
— Хулиганье, понимаете! — раздался уже у порога чей-то голос. — Сегодня — за цветами, а завтра — с ножом? Всех их, понимаете, — в колонию!..
Не успели на веранде что-либо сообразить, как в дверях показался сосед тети Тони Шатров. Лицо у него было красное, соломенная шляпа съехала на затылок. Из-за его плеча выглядывал черный ствол дробовика.
— Вот, полюбуйте! — Он втащил на веранду упирившегося Лопушка, подтолкнул его к тете Тоне. — Я ведь еще тогда подумал, что это они цветы оборвали, а сейчас слышу шум... Поймал вот — бежал от вашего дома... Два квартала, считай, пробежал за ним. Думал уже — скроется...
Шатров говорил так горячо, что никто даже не пытался его перебить.
Лопушок неловко топтался на одном месте. Он был без тубетейки, в рыжих волосах у него запутался лист от акации. Застиранная форменка горбилась на спине.
Мальчишки смотрели на него, ничего не понимая.
— А как это ты очутился на улице, Лопух? — спросил вдруг Колька.
— И сабли у него нет, — кивнул на Лопушка Писаренок. Только теперь, кажется, тети Тонин сосед увидел остальных мальчишек.
— Уже защищать пришли? — спросил он, строго глядя на Кольку. — Быстро вы разузнали все, понимаешь... Нет уж, получит ваш дружок суток десять. Защищайте не защищайте — получит...
— Мы не защищаем, дядя, — негромко сказал Колька, — Мы, наоборот, спрашиваем, почему он на улицу убежал...
Сашка Лопушок нагнул голову, отвернувшись от ребят.
— Ничего не понимаю! — развел руками Шатров.
— Вы вот во дворе с человеком столкнулись, — сказал Саша Вертков. — Это и был вор... Ребята его поймали... А Лопушок тут и ни при чем...
Шатров поднял с пола стул и присел на него, глядя на ребят. Левая его рука лежала на ружейном ремне, который черной лентой пересекал его грудь и край толстого живота.

— Так это... вы — его?..

— Ребятишки, Сидор Иванович! — сказала тетя Тоня.

Шатров зажал шляпу под мышкой, левой рукой осторожно расстегнул где-то на животе ремень, а правой потянулся за спину, чтобы поддержать ружье. Всем показалось в тот момент, будто он хочет, чтобы никто не видел его дробовика.

— Так я, пожалуй, пойду, — сказал он наконец, вставая и придерживая ружье сбоку. — Хотел помочь вам.

Он остановился около Лопушка и потрепал его по плечу:

— Зря я, выходит, на тебя подумал...

Лопушок не поднял головы. Шатров боком шагнул за порог.

Дробовик его наклонился, черная ляжка упала на пол и змейкой скользнула через порог.

...На столе рядом с Писаренком стояли георгины, и «огненный король» дерзко и весело глядел на мальчишек...

Глава третья рассказывает о том, как Колька Богатырев укреплял международные связи и содействовал всеобщему прогрессу

Представьте себе такое.

Остановившись около вашего двора велосипед. Слезает с него старый почтальон дядя Коля. Дребезжит велосипедный звонок.

На звон выходит ваш отец.

— Дома сынок? — спрашивает дядя Коля. — Ему письмо!..

— Давайте, я передам, — говорит отец.

Но почтальон дядя Коля не соглашается. Он поднимает на лоб очки, достает из сумки какую-то тетрадку и говорит:

— Вам не отдам. Заказное. Из Польши!..

А потом вы, расписавшись, читаете письмо, и вся улица сбегается послушать, что в нем написано.

Конечно, это здорово, да не всякому приходят такие письма.

И самое обидное, что приходят они не тому, кому надо бы.

Вот сидит заграничный пацан, пишет письмо Лопушку, старается, и не знает же он, конечно, что Лопушок, может быть, как раз в это время бросает свою саблю и со всех ног бежит подальше от тети Тониного двора, где остальные мальчишки не на жизнь, а на смерть стоят против вора Махно.

А ведь есть у мальчишек свои законы, и хоть нигде их не прочитаешь, но и так всякий знает: бежать, когда остальные дерутся, — последнее дело.

Сашка Лопушок убежал.

А через несколько дней почтальон дядя Коля принес Сашке письмо и — мало того! — посылку от чешского пионера Карела Брашека.

Ну, не обидно ли?.. За чешского пацана обидно!..

Лопушок летом никогда не носил галстука, а тут — на тебе — вырядился. Небось и ночью его не снимает — как же, из Чехословакии галстук!

Когда мальчишки идут мимо Сашкиного двора, он обязательно появляется за забором и издали показывает им чешские значки и открытки.

— Привет, — говорит, — вам от Карела. И тебе, Колька, и тебе. Орех, и даже тебе, Писарь...

— А ты ему писал про нас, что ли? — не вытерпел однажды Писаренок.

И все мальчишки как будто нехотя тоже остановились у Лопушкова забора.

— Писал, а как же... Как мы медь нашли, так и написал.

— Ты, что ль, ее нашел? — проворчал Писаренок.

— А кто же? Не искал, что ли... Может, и я. Там же на камне не написано было.

Ребята молчали, искоса поглядывая на открытки.

Обидно все-таки: никто, в самом деле, на улице Щорса не получает заграничных писем — только Лопушок. Когда начали в школе переписываться, Колька думал, что не так уж это и интересно. А теперь посмотри-ка. Что там ни говори, а ребята Лопушку немножко завидуют — вон как и Писаренок, и Шурка Меринок на значки смотрят. Когда мимо Сашкиного забора проходят, хочется им, чтобы открытки Сашка поднес к забору поближе, а то Пражский Кремль не совсем хорошо видно.

А как было бы здорово, если бы эти открытки и в самом деле висели в палатке.

— Вот бы нам тоже достать адрес, — вздохнул Писаренок, когда мальчишки сидели уже около Колькиной палатки. — А то — подумаешь...

— Хорошо бы, конечно, — поддержал Меринок. — Да только где ж ты его достанешь...

— Не так просто достать, пацаны, — подтвердил Колька.

— Можно достать, — сказал вдруг Витька Орех.

— Да брось, — отмахнулся Колька. — В саду сорвешь, что ли?..

— А я говорю, Коля, что можно...

Витька посмотрел на Богатырева чуть прищурившись, и Колька не стал больше возражать. Вообще-то Витька Орех не любит бросать слов на ветер. Не такой он человек. И мальчишки об этом хорошо знают.

Витька приехал с родителями из Сибири два года назад. Первое время он все рассказывал, какая там зима, да какой снег, да как там здорово кататься на лыжах. Его слушали и день, и два, но потом, когда он сказал, что собственными глазами видел на Урале пограничный столб с надписью «Европа — Азия», Колька не вытерпел.

— Нет там никакого столба и быть не может, — сказал тогда Колька. — И границы небось никакой нет — может, это тебе приснилось?..

— Если из вашей Отрадной не вылезать, так может только присниться, — задел Витька мальчишек. — А если ездить, то и так можно увидеть... Хотите знать — можно даже стать с этим столбом рядом, и одна нога будет в Европе, другая — в Азии!..

— Чем докажешь? — спросил тогда Колька.

Они спорили долго, горячились, а Витька Орех говорил очень даже спокойно, но все равно никак не мог доказать, что есть такой столб. Наверное, потому он и предложил:

— Хочешь, поедем вместе. Сам увидишь!..

— Как — поедем? — не понял тогда Колька.

— А так, — объяснил Орех. — Дома ничего не скажем и поедем. Если ты только не боишься.

Конечно, Колька не боялся. Правда, ему жаль было волновать бабушку, но не отступать же, если мальчишки со всей улицы слышали, как ты спорил!..

— Их сняли с поезда на станции Кавказской, что сразу за Армавиром. Витька Орех сказал тогда милиционерам, что они все равно убегут, так как им позарез надо увидеть столб на границе Азии и Европы, и еще неизвестно, что было бы дальше, если бы не выяснилось, что начальник детского приемника тоже сибиряк и тоже видел этот самый пограничный столб.

— Как докажете? — спросил Колька и у него, и начальник засмеялся.

— Хочешь предложить бежать втроем? — сказал он Кольке. — Не могу, понимаешь, работа. Но доказать...

Он сел за стол и что-то долго писал, нахмурясь, а потом поставил на бумажке треугольную печать и протянул ее Кольке.

«Справка, — было написано на этой бумажке. — Дана школьникам Н. Богатыреву и В. Орехову. Удостоверяю, что на границе Азии и Европы действительно стоят два пограничных столба с соответствующей надписью, в чем эти ребята смогут убедиться собственными глазами, когда достигнут совершеннолетнего возраста.

Старший лейтенант С. Воробейник».

А еще через день за ними приехал в Кавказскую Витькин отец.

Мальчишки теперь всегда верят Витьке — недаром же комиссаром избрали. И им теперь нравится даже то, что Витька считает отрадненский климат недостаточно суровым и, чтобы закалить себя, босиком ходит до поздней осени. Он даже в школу идет с ботинками под мышкой и надевает их у самого порога.

— А как же достанем адрес. Вить? — спросил Колька.

— Я нашу Иринку попрошу, — объяснил Витька. — Она же должна знать, да?..

Старшая Витькина сестра, Иринка, под мальчишку стриженная, работает в райкоме комсомола. С ней и правда можно, конечно, поговорить, только ухо при этом надо остро держать. А то получится еще, как в прошлом году. Целый месяц собирали мальчишки железный лом, Иринка все их подбадривала и каждый раз соглашалась, что металл пойдет на «Спутник имени Щорса». А когда сдали лом, выяснилось, что решено из него сделать «пионерский паровоз». Есть разница?..

— Спроси, конечно, — сказал Колька. — Только чтобы без всяких, да?

— Без всяких, — пообещал комиссар. — Я с ней после того, знаешь, месяц не разговаривал. Так теперь она меня уважает...

Скоро почти вся армия сидела на новеньком скрипучем диване в кабинете у секретаря Отраденского райкома комсомола.

— Как у тебя с учебой? — спрашивал у Кольки секретарь, совсем еще молодой, не старше Саши Верткова, парень. — Надо, чтобы ты не ударил в грязь лицом перед тем, с кем будешь переписываться...

Губы у секретаря строго сжаты, но в глазах его Колька видит смешливые блески. Зато сам Богатырев хмурится — что скажешь секретарю об учебе?..

И вдруг с дивана — голос Писаренка:

— Он, товарищ секретарь, первым в классе сельскохозяйственную практику закончил!

И как только Писаренок вспомнил об этом! Что верно, то верно. Это еще перед каникулами Колька взял себе отдельную делянку. Он брался сам прополоть ее и обещал попутно изучить, как сорняки влияют на развитие растений.

Как-то однажды мальчишки все вместе отправились на эту делянку. У кого были тяпки, те пололи тяпками, кое-кто пустил в дело сабли, и после этого о влиянии сорняков можно было не думать — больше всего, пожалуй, по той причине, что на той делянке влиять им было уже не на что...

— Практику первым закончил? — улыбнулся комсомольский секретарь. — Это, конечно, рекомендация... — И тут же как будто вспомнил что-то. — Да, школьная практика — это хорошо, а вообще в сельском хозяйстве, Николай, хорошо разбираешься?..

И опять встрял Писаренок:

— А как же, он в этом... лучше всех, да! Еще бы не понимает!..

— Отлично! Вот и отлично! — говорил секретарь, перебирая в ящике стола какие-то бумаги. Потом вытащил распечатанный конверт, протянул Кольке. — В таком случае — вот...

И когда ребята уже толпились у дверей, еще раз повторил:

— Только запомни, Николай! Тут в грязь лицом никак нельзя!

Когда они вышли из райкома, Колька бережно положил за пазуху голубой конверт с белыми рубчиками по краям, натянул на уши школьную фуражку и только спросил у мальчишек:

— Ну?!

Не сговариваясь, ребята понеслись по улице.

Армия без передышки примчалась к Богатыреву во двор, и только там, около палатки, запыхавшийся Колька осторожно достал из-под рубашки письмо.

Писаренок, который, наверное, подумал, что его работа не только писать, но и прочитывать все бумаги Колькиной армии, протянул было за ним руку, но Богатырев отстранил его:

— Слушайте!

Он вытащил из конверта бумагу и вдруг просиял: письмо было напечатано на машинке.

— Тут два письма! — громко зашептал Колька. — Ух ты, смотри...

Мальчишки повскакивали с земли и бросились к командиру.

— Одно на русском, другое — на немецком! — снова удивился Колька.

— Читай, читай! — загалдела армия.

— «Перевод», — нараспев прочитал Колька.

Витька Орех через Колькино плечо заглянул в письмо.

— Эго ж с немецкого перевод, Колька! Вот здорово, читай дальше!..

— «Австралия, штат Квинсленд, город Чарлевилл», — тихо прочитал Колька.

— С австралийского перевод! — выкрикнул Писаренок. — Чур, первый узнал — с австралийского!..

— «Мей-сон-Сити, Уил-ки, тринадцать...»

Колька читал очень медленно.

«Дорогой сэр! — говорилось в письме. — Мне четырнадцать лет. Я христианин, посещаю колледж.

Хочу переписываться с вами на одном из трех языков: русском, английском, французском.

Есть ли у нас общие интересы, сэр? Ваше вероисповедание?

Увлекаетесь ли вы филателией? Учитесь ли вы? Чем вы думаете заниматься дальше? Не

увлекаетесь ли вы сельскохозяйственным производством? Ваши достижения в этой области?

Для начала хватит вопросов, сэр. Думаю, что наша переписка послужит всеобщему прогрессу,

Джим Олден».

Никогда еще не было в штабе армии такого шума, который поднялся после того, как Колька прочитал письмо Джима Олдена из штата Квинсленд, Мейсон-Сити, Уилки, 13. Когда, наконец, прошел восторг, Писаренок спросил:

— А почему письмо на машинке отпечатанное, а, Коля?..

— Буржуй, наверное, — определил Колька.

Но тут вмешался комиссар:

— А может, он на отцовской работе отпечатал, почему ты знаешь? Или, может, мать у него машинистка, как у тебя, Меринок, верно?

— А что? — выставил грудь Меринок. — Мы тоже ему письмо отпечатать, Коль, можем — пусть знает... Правда же?..

Довод насчет Мериновой матери тети Гали поставил Кольку в тупик. Но идея самим написать этому Джиму письмо, отпечатанное на машинке, взяла верх, и он согласился в конце концов, что австралийский пацан вообще, может быть, и не буржуй.

— Посмотреть бы на него, — рассудил Колька, — или деду моему показать — он бы сказал точно...

— Кабы ж он приехал, — сказал Писарь. — Вот бы интересно! Вся б улица сбежалась! А потом бы в войну с ним сыграть или в казаки-разбойники.

...Казалось, в армии Кольки Богатырева все шло теперь хорошо, и никто даже не подозревал, что мальчишек ожидают суровые испытания, справиться с которыми будет не так-то просто. А испытания начались. Начались сразу же, как только ребята собрались написать ответ Джиму Олдену из штата Квинсленд, Мейсон-Сити, Уилки, 13.

— Пиши! — сказал Колька, когда все уселись на стульях вокруг большого стола в доме Богатыревых, а Писаренок раскрыл чистую тетрадку и придвинул к себе чернильницу-невыливайку. — Пиши! — повторил Колька. — «Добрый день или вечер, сэр!..»

Володька положил голову на острое плечико под красной футболкой и смешно задержался над тетрадкой.

— Готово? — спросил Колька. — Теперь так: «С приветом к тебе мальчишки с улицы Щорса...»

Он диктовал дальше, а остальные мальчишки один за другим потихоньку вставали со стульев и становились за спиной Писаренка, наблюдая за работой.

— Писарь! — крикнул вдруг Витька Орех, — Да разве «с приветом» — вместе?!

Володькино перо споткнулось, ручка замерла у него в пальцах.

— А в слове «мальчишки» где «к»? — строго спросил Меринок. — Съел ты «к», да. Писарь?..

— «Мы рады твоим письму», — прочитал из-за спины Юрка Левин. — Разве «твоему» — через «и»?..

Все говорили так уверенно и так авторитетно, что Писаренок не выдержал.

— Сами пишите! — крикнул он, вскакивая. — Пишите сами, пожалуйста!

Он хотел бросить ручку пером в невыливайку, но не попал. Оставляя чернильные рубчики, ручка покатила по тетрадке.

— И напишем, — сказал Меринок, садясь на Писаренково место. — Думаешь, не напишем?..

Он вырвал и положил перед собой измазанный листок. Поглядел в него, дочитывая до конца все, что успел написать Володька, потом поднял глаза к потолку, как будто что-то припоминая, и беспомощно посмотрел на Витьку Ореха.

— Вот тут пишем: «филателия и фантики — девчачье дело». Мягкий знак надо. А как. Вить, «дев» или «див»?

— «Дев», — твердо сказал комиссар. — Потому что — девушка...

— «Див», — эхом откликнулся Юрка Левин. — Потому что — дивчина...

И Меринок жалобно спросил:

— Как же, а, Коль?..

— «Див... дев»! — сплюнул Колька. — Я еще буду вмешиваться! Как будто у меня других дел нету. — И, презрительно посмотрев на ребят, сказал сквозь зубы: — Дал бог армию — слова правильно написать не могут...

В комнате сразу сделалось шумно, потому что мальчишки наперебой стали убеждать Кольку и друг друга, что и у них дел по горло. Что они, бездельники?.. Просто вот Витька Орех, например, собирается в летчики, а для летчиков русский язык — дело десятое, и потому он, Витька, налегает больше на физику. И по физике у него — что? Пять! Шурка Меринок, например, хочет — радистом. А там что — русский язык? Морзянка! Стучи и стучи ключом, говорил Шурка, без всякого тебе языка.

А Колька слушал мальчишек молча и тоскливо думал: неужели все-таки придется идти Лопушку кланяться? Ведь он, как ни обидно, — самый грамотный мальчишка на улице Щорса!..

И вдруг в комнате раздался тонкий крик Писаренка:

— Знаю! Я знаю!..

Все разом стихли.

— Ну? — недоверчиво спросил Колька. — Как надо, чтоб правильно написать «див» или «дев»?..
— Ни «див» и ни «дев», — сказал Писаренок, волнуясь, — чтобы правильно написать, надо это... надо поймать Талмутика!..

Есть же все-таки голова на плечах у этого Писаренка!..

...Был полдень. Солнце пекло очень сильно — даже ветерку, такому прохладному с утра, стало жарко, и он улегся отдыхать в густом кустарнике у реки. Теперь он только лениво вздыхал, будто отдуваясь, и от нечего делать легонько пошевеливал чуть желтоватые макушки ивняка...

В полдень по тропинке шел к речке через кустарник Петька Козополянский.

На носу у него были очки, а под мышкой он нес сразу две книжки. Вероятно, на речке Талмутик собирался закончить одну книжку и тут же приняться за вторую.

Но в этот день он не сумел сделать ни того ни другого.

— Руки вверх! — раздался вдруг позади Талмутика чей-то голос, и он остановился как вкопанный, потом медленно обернулся, поддерживая очки.

Из-за куста ивняка на тропинку вышел Колька. И тут же зашевелились другие кусты вокруг Талмутика, и его уже окружили мальчишки.

— А, Коля! — сказал Талмутик обрадованно. — А я думаю, кто это кричит?..

— Руки вверх — было сказано! — неприступно повторил Колька.

— Пожалуйста!

Талмутик чуть повыше плеча поднял руку с растопыренными пальцами.

Колька нахмурился.

— А другую?..

— Так у меня ж в ней книжки! — удивился Талмутик.

— Ну ладно, — согласился Богатырев. — Держи одну...

Петька пожал плечами.

— А за что вы меня... за что меня пленили?..

До чего же он был книжный человек, этот Талмутик, — даже в минуту опасности он говорил так, как будто это был урок литературы!

— Сейчас узнаешь, — усмехнулся Колька и, взяв Талмутика за руку, другой рукой раздвинул кусты.

Петька еще раз пожал плечами и покорно пошел следом.

За ними двинулись мальчишки.

Дальше в кустах ивняка была еще одна полянка, густо заросшая травой, и здесь мальчишки остановились.

— Садись, будь как дома, — сказал Талмутику уже более дружелюбно Колька и первый уселся на траву.

Если бы Талмутик был понаблюдательней, он бы давно уже увидел в руках Шурки Меринка портфель и, конечно, удивился бы, зачем это летом человек ходит с портфелем. Если бы Талмутик был понаблюдательней, он бы увидел, как Писаренок, усевшись за Шуркой Меринком, пристроил у него на спине свою записную книжку и достал карандаш.

Но Талмутик, кажется, вовсе не замечал, что происходило вокруг.

Он держал в руках ивовую ветку, отщипывая от нее по листочку, и Колька вдруг заметил, что пальцы Талмутика слегка подрагивают. Но на лице не было страха, и Колька вдруг почему-то подумал, что он, Талмутик, молодец: не подает виду, что все-таки боится мальчишек.

— Скажи-ка, Талмутик, — спросил Колька, — вот ты — культурный?

Сначала Петька, кажется, даже не понял вопроса. Он снял очки, потом снова надел их и из-под стекол подозрительно глянул на Кольку: не смеется ли? Но вид у Богатырева был очень серьезный, и Талмутик, кажется, успокоился.

— Как вам сказать, — все-таки осторожно начал он. — Пожалуй, да... Не совсем, конечно, но...

— А мы сейчас проверим, совсем или не совсем, — пообещал Колька. — Вот... скажи нам: лупим мы пацанов, которые таскают из пруда мальков. А как это сказать по-культурному?

— Вы охраняете водоемы, — проговорил Талмутик не раздумывая.

— О! — сказал Колька с восхищением. — А говорил, что не совсем культурный! Так я и знал — мы охраняем водоемы! Правильно, Талмут, хорошо. А вот кротов бьем?.. Мышей?..

— Вы боретесь с вредителями сельского хозяйства! — выпалил Талмутик, и Колька снова одобрительно кивнул.

За спиной у Шурки Писаренок судорожно мусолил карандаш.

— А вот что соревнования устраиваем всякие? Бегать малышей учим, прыгать. Или плавать?

— Вы поощряете спорт! — твердо отчеканил пленник.

Нет, что вы там ни говорите, а этот Талмутик был все-таки очень ученый человек. Вы посмотрите только, сколько он знал мудреных слов!

— Вот это да! — громко прошептал Писарь, когда Колька перестал задавать Талмуту вопросы. — Мы «поощряем... водоемы»!

— Хотя не совсем, ты говоришь, культурный, но и то... — кивнул Талмуту Колька. — А нам вот некогда. Дела, Талмутик, дела. Медь вот нашли недавно — слышал небось?

— Как же, как же, об этом знает весь район, — заторопился Талмутик. — Многие завидуют вам — такое большое дело!

— Ну вот видишь, — сказал Колька, и глаза у него зажглись. — Потом другая работа — охота, кони еще...

— Я тоже тренируюсь в верховой езде, но у меня остается время...

Талмутик не успел договорить, так как Колька прыснул.

— Ты? — спросил он. — В верховой езде?..

— Расскажи это своей бабушке, — громко сказал из-за Меринковой спины Писаренок.

Нет, вы только подумайте, в самом деле, — этот Талмутик уверяет, что он ездит верхом!

Да он ведь небось готов не пойти в школу, если увидит, что рядом со школьной калиткой стоит какая-нибудь кляча. Удивительно еще, что он не разревелся, когда его поймали!..

Все мальчишки начали смеяться над Талмутиком, так что Колька даже поспешил их успокоить: обидится еще чего доброго!..

— Ладно-ладно, — сказал он. — В общем, Талмут, устно ты сдал на пять... с минусом все-таки. Теперь ты тут посидишь, а мы придумаем для тебя небольшой диктант. Ты напишешь — мы проверим. Не сделаешь ошибок — хорошо, а если сделаешь хоть вот такусенькую — значит, никакой ты не отличник, и тогда ты получишь по заслугам...

Около Петьки остался Шурка Меринок. Остальные мальчишки скрылись в кустах.

Талмутик сидел, все так же отщипывая листики, сидел и ничего не понимал. Зачем мальчишкам понадобилось узнавать, культурный он или нет? Какое им до этого дело?

Потом он вспомнил, как рассмеялись ребята, когда он сказал им, что ездит на коне, и ему вдруг стало обидно. Эти мальчишки с улицы Щорса возмнили о себе шут знает что.

Это они, мол, только все могут — он, Петька, не умеет ничего!

Петька знает, что многие ребята только так о нем и думают. Он решил научиться ездить верхом, чтобы доказать мальчишкам и самому себе, в первую очередь, что он тоже не такой уж тихоня. Только, может быть, зря он рассказал об этом сейчас, потому что пока Петьке похвастаться особенно нечем.

Он вспомнил, как недавно уже в третий раз за лето упал с коня, и даже поежился чуть-чуть: и вспоминать-то не очень приятно...

Он вывел Сабира за ворота фермы, где его мама работает зоотехником, и отвел его за сарай, чтобы никто не видел, как он, Петька, будет садиться.

Когда он сел, конь сразу пошел рысью, и Петька сначала отпустил повод еще чуть-чуть, но тут же потянул его на себя, потому что впереди увидел овраг.

Наверное, он потянул его слишком сильно, потому что Сабир, который начал было переходить на галоп, взбрыкнул, и через голову коня Петька полетел вниз.

Когда он, больно ударившись, упал на землю, ему вдруг показалось, что Сабир сейчас вот обязательно наступит на него передними ногами, и Петька сжался в комок, ткнувшись лицом в горьковато-пыльный кустик полыни. Только потом, когда прошло несколько секунд, он поднял голову и прямо перед собой увидел большой карий глаз Сабира. Сабир закрыл глаз и тихонько тронул мягкими губами Петькино ухо, и Петька тогда подумал, что Сабир — самый умный и самый добрый конь на свете... И все-таки трудно было тут же решиться снова сесть на коня, но все же Петька заставил себя взобраться и уже шагом доехал до фермы.

Три дня потом он прихрамывал, потому что болело ушибленное колено, зато вчера, например, Сабир всю скакал галопом — и ничего, не упал Петька...

Жаль, честно говоря, что никто из мальчишек вчера этого не видел!..

Талмутик взглянул на Меринка.

Тот сидел, по-турецки поджав ноги, искал картинки в Талмутиковых книжках.

Тихонько шевелились кусты над головами у мальчишек, спокойно смотрело на них небо, белое от жары.

Талмутик вдруг улыбнулся, глядя на Меринка, и тут же посерьезнел, оглядываясь.

Потом он отвернулся на миг, снял очки и сунул их себе за пазуху.

Меринок не поднял головы.

— Саша! — негромко позвал Талмутик.

— Я не Саша, — сказал Меринок. — Я — Шурка...

— Но это же все равно!..

— Ничего не все равно, — объяснил Меринок, — Сашка — Лопушок, а я — Шурка...

— Хорошо, Шура, — улыбнувшись, согласился Талмутик. — Диктант, Шура, писать... А... а без очков — как?..

— Посеял? Эх, растяпа!

— Только что были, — быстро заговорил Талмутик, приподнимаясь. — Наверное, на той поляне, где вы меня... захватили. Я сейчас, тут рядом...

— Э-э, куда! — Меринок захлопнул книжку и встал. — Ты сиди... Сам поищу, куда твои очки не денутся.

И как только получается, что таких опытных пацанов, как Меринок, обманывают простофили вроде Талмутика?.. Наверное, эти опытные пацаны просто не верят, что такой безобидный пленник, как Петька, может причинить неприятность...

Шурка Меринок бросил книжку на траву, еще раз назвал Талмутика растяпой и медленно пошел в кусты.

Талмутик резко вскочил на ноги, быстро надел очки. Потом подхватил с земли книжки и боком шагнул в чащу...

...Вечером солнце садилось на плоскую синюю тучку. Тучка, наверное, была очень твердая, потому что солнце никак не могло пройти через нее. Оно плавилось и золотом растекалось по тучке.

Сначала от солнца осталась маленькая румяная горбушка, потом растаяла и она. Стало быстро темнеть. Сильней заверещали сверчки, над клумбами поднялся холодноватый запах цветов.

Колька с Писаренком отнесли в сарай лейку и ведра, захлопнули двери. Сидят теперь на крыльце Колькиного дома, моют ноги в щербатом эмалированном тазу и рассуждают о жизни.

После того как сбежал из плена Талмутик, ответ, который сочинили ребята, пришлось отдать Меринковой матери, тете Гале. Мальчишки просили ее перепечатать письмо на машинке, исправив ошибки по ходу дела. Если ошибки, конечно, попадутся, говорили мальчишки.

А на другой день Шурка Меринок не вышел на улицу и даже не подошел к калитке, потому что его отец был дома с утра до вечера. Шурка только показал мальчишкам издали какую-то книжку и Витька Орех потом голову давал на отрез, что это был учебник русского языка.

— Смотри, Писарь, — говорит теперь Колька. — Сам за тебя возьмусь, если ты понимать ничего не хочешь... От какого-то Талмутика зависим — стыд прямо!..

Володька молчит.

По двору прошелся сухой теплый ветер. Зашептались акации у порога, зашелестела в огороде кукуруза, закивала султанами — тише, тише!..

Нагретые за день каменные ступеньки покалывают подошвы — уходит тепло. В грядках надрываются сверчки.

Один из них где-то совсем рядом, и свою вечернюю песню ладит он по-особенному. Словно кто-то невидимый — оборот за оборотом — заводит в темноте маленький стеклянный будильничек. Кто-то заводит, а будильничек тут же коротко отзванивает, и опять его заводят, и он отзванивает снова — тоненько и хрупко.

— Чего думаешь? — спрашивает Колька у Писаренка, который сидит, чуть склонив голову набок.

— Знаешь чего? — улыбается Писаренок. — Думаю, вот подойти б к сверчку, присесть перед ним и спросить: и как только ты так высверчиваешь?..

И Колька, мысли которого заняты другим, смотрит на Вовку, скосив глаза, — несерьезный человек все-таки Писаренок!..

Только почему ж тогда Колька с ним дружит? Почему говорит о таких вещах, о которых другим мальчишкам никогда не скажет?..

Наверное, потому, смутно думается Кольке, что Писаренок хоть и хитрющий, зато очень добрый и друг верный...

— Пойдем-ка, — говорит Колька, — за дом. Дело есть...

Они садятся за домом, и Колька спрашивает тихонько:

— Ты австралийское письмо хорошо читал?..

— Так Колька это спрашивает, что Писаренок сразу понимает: тут — тайна...

— Дак хорошо, — отвечает Володька так же тихо. — А что там?

— На вот, почитай еще...

Колька чиркнул спичкой, зажег в ладошках синий огонек. И ладошки стали красными, совсем прозрачными.

— Здесь читай! — Колька разжал ладошки, ткнул пальцем в строчку.

«Я — христианин, — вслух прочитал Писаренок. — Посещаю...»

— Хватит! — перебил Колька. — Теперь все понял?..

— Не-а, — вздохнул Писаренок.

— Христианин же! — трагическим шепотом сказал Колька. — Значит, в церковь ходит!.. Я потом у бабушки спросил. Мы с ней тоже христиане — вот!..

— Вы да этот пацан еще, да?..

— В том-то и дело! — сказал Колька быстро.

— Не ходил бы ты, Коль, а? — попросил Писаренок. — И так вот пацаны с других улиц говорят...

— Чего говорят?

— Да так все, — вздохнул Писаренок. И тут же ободрил Кольку: — Конечно, если б кто другой — досталось бы ему смеха, а то боятся. Только ты не ходи, а? Все равно ж ты бога не признаешь...

— Нельзя не ходить! — сказал Колька почти с отчаянием. — Если б ты знал. Писарь, почему бабушка ходит, ты б так не говорил.

— А почему — бабушка?..

Писаренок замолк, ожидая, что скажет Колька.

А Колька тоже молчал, потому что не так просто объяснить то, чего ты сам пока не понимаешь, о чем только догадываешься.

Не так давно Колька случайно услышал, как молилась бабушка перед сном.

Он уже пошел было спать в сарайчик — летом Колька всегда спит только там, — а потом вернулся, чтобы захватить фонарик. Видно, дверь он прикрыл неплотно, уходя, и теперь услышал, как бабушка, на коленях стоя в углу, говорила негромко, но так отчетливо, что Колька слышал каждое слово.

— ...святая дева Мария, спасительница, не оставь раба божия Николая... Дай пожить ему здесь, не отдавай другим людям. И на суде на страшном, спасительница, скажу: не будет от этого добра — только худо! А меня, грешную, еще немножко побереги — нужна я своему внучку...

И так бабушка говорила это горячо, так просила, что сердце у Кольки сжалось.

Ушел Колька, не стал дослушивать. А потом долго ворочался на своем топчане. Не спалось ему, потому что он знал, кто это «другие люди»...

Отца своего Колька не помнит. Знает только по бабушкиным рассказам, что он долго болел и умер потом в Ростове, в военном госпитале. В Ростове его и похоронили.

Кольке тогда было два года.

Мать Колька помнит, только смутно очень. Она уехала из дому, когда ему было пять, и приезжала потом только раз — он учился еще во втором классе.

Писем от матери нет уже года три, был вот только небольшой перевод.

— Ба, а чего она не приезжает?.. — спросит иногда Колька.

— Некогда, наверное, — скажет бабушка. — По работе занята, может... — И тут же прикрикнет: — Ешь вон — борщ стынет!..

— Хоть письмо прислала бы, а, ба?..

— И письмо, наверное, некогда, раз не пишет. — И руками всплескивает: — Совсем борщ остыл!.. Чего сидишь, на меня смотришь? Давно не видал, что ли?..

Ничего плохого о матери Колька от бабушки не слышал, только заметил однажды, что в толстом, с бархатной обложкой альбоме карточек ее совсем почти не осталось, а та, на которой мать с отцом были сняты вместе, разрезана пополам. Отец сидит в военной фуражке, хоть и без погон, на кителе у него ордена, он улыбается и смотрит вбок. Только сбоку теперь нет никого, остался лишь кусочек плеча в цветастом платье...

Ничего поэтому Кольке не понятно — и то, почему мать все не приезжает и не приезжает, а потом вдруг может приехать и забрать Кольку; и то, почему это бабушка — грешница: ведь таких бабушек, как Колькина, еще поискать надо!..

— Так чего она ходит в церковь, Коль? — спрашивает Писаренок. — Старая потому что?..

Как все, в самом деле, Писаренку расскажешь — сам Колька во всем разобраться не может. А Вовка — ведь он моложе, совсем пацан еще. Ему и своих бед хватает.

— Знаешь, Вовк, — говорит Колька негромко, — вот не думаешь ничего, не думаешь, и так все просто, да?.. А как подумает — ничего не понятно!..

И Писаренок как будто понимает это и тоже говорит почти шепотом:

— Ты подожди, Коль... Вот вырастем мы. Поскорей бы, да? Чтоб все стало ясно, а не как сейчас...

— Конечно, — говорит Колька. И сам уже Писаренка успокаивает: — Ты тоже, Вов, подожди... Все еще хорошо будет...

Успокаивает потому, что он, Колька, постарше, он свое как-нибудь перетерпит, а Вовка — тот помоложе, ему еще и помочь, может, надо. Колька ведь хорошо знает: жизнь у Писаренка тоже не всегда сладкая. Только у него — из-за отца, потому что Вовкин отец дядя Миша очень часто стал выпивать. Придет домой, расшумится. Бедному Писаренку из-за этого даже уроки выучить негде.

Ну ничего, может быть, и у Вовки дела поправятся.

Был же дядя Миша раньше трактористом — снова станет. Тогда о нем газета писала чуть не каждый день, у Селезневых вырезок было столько! Правда, водку он и тогда пил, и однажды, Вовка рассказывает, другие трактористы стали говорить отцу, чтобы он бросил. А Вовкин отец обиделся.

«Я, — сказал, — не маленький. Пил и пить буду!..»

Со всеми на работе переругался и ушел каменщиком работать.

А все газетные вырезки выбросил в мусорное ведро. Только ведь дядя Миша не знает, что Писаренок их подобрал, и они теперь хранятся у Кольки, в бабушкином сундуке...

И теперь Колька успокаивает Володьку и говорит ему:

— Ты тоже, Вов, подожди... Еще все хорошо будет.

Это они так поддерживают друг друга, потому что — друзья.

...На улице уже ночь.

Молоденький месяц обогнул дом, заглядывает теперь в палисадник. Месяц похож на серебряную подкову, которую кто-то стал разгибать, да так и не разогнул до конца. А звезд около месяца мало — может, как раз потому, что он — новый. Звезды его еще не знают и потому к нему не подходят.

Только подмигивают друг другу, посматривают то на него, то на землю, на тихую ночью станицу, на улицу Щорса...

Глава четвертая, которая рассказывает о том, как армия с улицы Щорса перековала мечи на орала

Однажды вечером, когда Колька и Писаренок мирно сидели около палатки в саду у Богатыревых и по очереди били геологическим молотком абрикосовые косточки, во двор вбежал запыхавшийся Меринок.

Он молча бросил на траву кепку, положил на нее буханку белого хлеба, за которым ходил в магазин, подбоченясь стал над Колькой и Писаренком и только тогда сказал насмешливо:

— Сидите, да?.. Косточки бьете? Бейте, бейте. Пока вы тут объедаетесь, я такое видал! Такое видал!..

— Какое? — спросил Колька. — Страшное, да?..

Он разбил подряд несколько косточек, высыпал коричневатые зерна в ладонку и равнодушно отправил в рот.

— Дай-ка! — не вытерпел Меринок.

Он отобрал у Кольки молоток, взял из ведра пригоршню косточек.

— Дак что ж ты видел? — спросил Писаренок.

Меринок кинул в рот горсть зернышек.

— Самолеты реактивные видел!..

— Где-е? — не поверил Колька.

— «Где, где!» По Красной везли на больших машинах! Аж два самолета, только без крыльев!..

— А почему — без крыльев? — заморгал Володька.

— Во, Писарь... Я знаю, что ли? Без крыльев, да и все. Есть только маленькие, а большие как будто обрезал кто... Я до самого «Заготзерна» за ними шел — там их завтра сгружать будут!..

Ничего не понятно!

Реактивные самолеты — ладно. Может, в станице Отрадной летное училище открывать собираются. Но при чем тут «Заготзерно»?

Все это предстояло выяснить, и завтра с самого утра ребята отправились на край станицы, туда, где за колхозными садами среди длиннющих складов раскинулись гладкие площадки пункта по приемке зерна.

Еще издали во дворе пункта они увидели две громадные серебристые сигары, лежащие на больших платформах с множеством колес. Около самолетов стоял гусеничный кран, рядом суетились люди.

Через минуту здесь уже стояли и мальчишки, во все глаза глядя на самолеты, самые настоящие самолеты, с кабинами, прикрытыми плексигласовыми колпаками, только без крыльев.

Но почему же летчиков нигде не видно?

На одной из платформ трое пожилых рабочих заводили под днище самолета трос, большой гусеничный кран двигался, поскрипывая, а перед ним, спиной отступая назад, шел высокий парень в синем берете. Выставив вперед одну руку, он двигал пальцами, и кран шел за ним, слегка покачивая громадной стрелой.

Потом человек в синем берете что-то крикнул рабочим, и они один за другим соскочили с платформы. Мальчишки поняли, что этот парень здесь — главный.

— Может быть, он летчик? — тихонько спросил у Кольки Писаренок.

— Не знаю, — признался Колька. — Только зачем он переодетый?

— А может, — зашептал Писаренок, — от шпионов?

Глаза у Писаренка были такими серьезными, как будто в тихой станице Отрадной эти шпионы сидели под каждым кустиком.

— Н-не знаю, — еще раз признался Колька.

Зато Шурка Меринок, который слышал этот разговор, подошел к одному из рабочих, спросил негромко, кивнув на парня в берете:

— Это летчик?..

— Да ну! — улыбнулся рабочий. — Это Петя Ивушкин, наш главный механик... Технику вот новую получил...

А зачем же главному механику отрадненского пункта «Заготзерно» Пете Ивушкину такая техника?..

Мальчишки выбрали момент, когда все сели перекурить, а Петя Ивушкин достал из кармана синей куртки новенький блокнот и стал что-то записывать, и окружили механика.

— Самолеты вот, — сказал Колька, кивая на серебристые сигары. — А зачем они вам?..

Петя Ивушкин оторвался от блокнота и посмотрел на ребят, все еще думая о чем-то своем, потом улыбнулся вдруг, оглядывая мальчишек.

— Тут, братцы мои, — сказал, — такая идея... Смонтируем здо-оровую такую металлическую трубу с дырками, а над ней коробка для кукурузы поставим. Засыпал в коробка кочаны — включай двигатель. Из него в трубу — горячий воздух. Полчаса — и кукурузка наша сухая...

Ребята смотрели на Петю Ивушкина с подозрением: не смеется ли? Как это так: боевая техника и вдруг — сушить кукурузу?..

Но глаза у Пети Ивушкина были серьезными — только, пожалуй, чуть-чуть мечтательными.

— Большое дело, — сказал он.

— Да жалко же самолеты! — вздохнул Витька Орех. — Это же «МИГи», да?..

— «МИГи», — охотно согласился Петя Ивушкин. — Только почему жалко? Они уже свое отлетали. У двигателя ведь своя норма. Отработал ее — подниматься на таком самолете опасно, он может летчика подвести. А тут — пусть еще постоит, пусть на нас поработает!..

— Дак что ж, — сказал Писаренок, — это значит, в каждой станице теперь такие самолеты будут стоять?..

— Не в каждой пока, — улыбнулся Петя Ивушкин, — нам первым дали, как передовикам... Для опыта, так сказать...

И Писаренок повернулся к мальчишкам и объяснил так, как будто они ничего не слышали:

— Как передовикам, поняли?

До вечера проторчали мальчишки в «Заготзерне» и ушли только тогда, когда корпуса реактивных самолетов уже поставили на невысокие фундаменты из бетона.

Что ни говори, а на самолет даже просто так посмотреть интересно. А что будет, когда двигатели запустят?..

Скорей бы уж поспежала эта кукуруза!

Домой они шли быстро, потому что успели за это время здорово проголодаться.

Вот они добрались наконец до улицы Щорса, повернули налево и прошли еще немножко, когда вдруг Писаренок остановился и поднял палец, прислушиваясь.

Где-то недалеко слышалась песня.

Это была старинная казачья песня, чуточку грустная и протяжная, ее негромко пели женщины, потом в припев ненадолго вплелись голоса мужчин, но тут же отстали на полуноте, и оттого дальше песня вдруг стала еще задумчивей.

— Провожают кого? — спросил Писаренок. — У кого гуляют?..

А Колька вдруг в сердцах махнул рукой.

— Все ясно!.. Это не гуляют, Писарь... Это у Астаховых работают. Пока мы самолеты смотрели, тут все без нас небось сделали... Надо же!

Они подошли ко двору Астаховых и остановились.

Дом, который утром еще был таким серым и неуютным, стоял теперь как игрушка. Недавно побеленные стены еще не совсем просохли и отливали синевой. Ставни были покрашены голубым.

Вечернее солнце пылало в отмытых окнах.

Мать Писаренка и тетя Тоня оставшейся известкой добеливали камешки, которыми были обложены дорожки. Обе они напевали тихонько, а рядом пели погромче — здесь несколько женщин серой глиной обмазывали сарайчик.

А дальше в глубине двора Саша Вертков пилил доску, придавив ее коленом, рядом работали отец Витьки Ореха и Меринков отец. Около них, положив ладони обеих рук на суковатую палку и высоко подняв голову, неподвижно сидел на табуретке дядя Иван Астахов. Он был в белой рубашке, и его большой бороды сейчас почти не видно было на груди, потому что сна тоже у него белая.

Дядя Иван говорил, видно, что-то, потому что Саша Вертков то и дело оборачивался к нему, кивал головой, улыбался.

— Ну точно, уже все сделали, — сказал Колька.

— Мы ж не виноваты, Коль, — пожал плечами Меринков. — Кабы нас предупредили...

Трудно, что там ни говори, живется на свете мальчишкам: пока ты торчал в одном месте, в другом успели уже обойтись без тебя. Конечно, все на свете не увидишь, за всем не угонишься, а все же обидно.

— Пойдем хоть посмотрим, — предложил Колька. — Чего ж теперь делать...

Мальчишки вошли во двор и один за другим пошли по дорожке между камнями. Матери только поглядывали на них, не переставая петь.

Ребята молча остановились за спиной у Саши.

Из-за сарая с рулеткой в руках быстро вышел дядя Миша Селезнев, Вовкин отец.

— Женщины, как там у вас? — крикнул, обернувшись. И сам ответил: — Вижу, скоро закончите, хорошо!..

Он быстро прошел мимо ребят, как будто не заметив их, легко присел на корточки около Саши Верткова, провел ногтем по доске.

— Потом тут, Саша, режь... — Кивнул Меринкову отцу: — Ты со мной, Степаныч!

Он повернулся к ребятам, и Володька Писаренок вдруг увидел, какие у отца глаза — добрые и молодые. Сейчас вокруг них не было морщин, и все лицо его светилось радостью и теплом. Володька давно уже не видел у отца таких глаз, давно не видел его таким легким и молодым.

— Па! — сказал Володька, и, кажется, тут только дядя Миша увидел ребят.

— О! — обрадовался он. — Хлопцы наши пришли!..

— Чего ж ты нас не предупредил, па? — сказал Володька с упреком, но отец беззаботно тряхнул кудрями.

— Да ну, хлопцы! Тут и без вас помощников вон сколько!..

Саша Вертков бросил пилить доску, повернулся к мальчишкам:

— Явились — не запылились... Когда вся улица работает, так и они тут. А так небось ни один не заглянул бы...

— Ладно-ладно, Саша, — упрекнул Колька.

Из дома вышли Колькина бабушка и тетя Поля Астахова.

Бабушка несла в руках два стула. Помогла тете Поле сойти с крыльца, поставила стулья рядом.

— Садись, Поля, отдохнем... Что там ни говори, устала я. Да шутка ли — на двадцать душ, считай, приготовить...

Колька подошел к бабушке, тронул за плечо.

Бабушка повернула к нему лицо в морщинках, улыбнулась.

— Устала, внучек...

— Эх ты, ба! — сказал Колька. И повернулся к ребятам: — Ладно, пошли, пацаны...

— Куда это? — вскинулась бабушка. — Кто вам там дома приготовил — весь день тут все толклись... Сейчас тут поедите — и на вас настряпала!.. Знала, что прибежите...

Солнце уже совсем село, когда мальчишки в палисаднике расселись на траве вокруг большой миски с борщом.

Борщ вкусно дымился и обжигал языки.

А перед домом стояли два сдвинутых стола, там тоже постукивали посудой, говорили разногласно, и свет керосиновой лампы выхватывал из темноты помолодевшие лица матерей и отцов, других

взрослых с улицы Щорса.

— Слушайте, пацаны, — сказал вдруг Витька Орех, — может быть, завтра придем к Астаховым и дров наколем, а?..

— На всю зиму дров, да, Вить? — поддержал его Писаренок.

Колька перестал есть и оглядел мальчишек.

— Эх вы, дров наколоть... Это всякий дурачок сможет. Лучше ничего не придумали? Нет?.. Тогда слушайте!..

...Почти неделю после этого армия с утра до вечера пропадала за рекой, на пригорках, покрытых чебрецом.

Дождей не было, и из-под ног поднимался горячий запах душистой травы и сухой земли. Вдалеке над покосами дрожало марево. Там пели жаворонки, и знойный ветер проносил иногда слова их песен — звонкие, как серебряные колокольчики.

Армия выбирала зеленый квадрат, и по его углам становились четыре часовых с шашками наголо. Они стояли строгие, в шапках из увядших лопухов, и из-под ладоней вглядывались в даль.

Перед вечером все шли домой. У каждого на спине топорщилась большая вязанка солодика — коричневатого сладкого корня. Губы у мальчишек были желтые оттого, что все не переставая жевали солодик.

Корни раскладывали у Кольки во дворе, там, где уже успели вырыть картошку. Потом только шли купаться.

Над зубчатой темной рощицей на горе уже вставала полная луна — такая красная, будто она целый день пролежала где-нибудь на солнце в степи — там, за гребнем гор. Там ведь тоже есть степи.

Колька однажды был в тех степях. Теперь он со дня на день собирался повести туда свое войско, но все откладывал поход. Надо было лучше вооружиться — чужих мальчишек там, правда, не было, зато за отарами овец ходили собаки, большие, как телята, и очень злые. И Колька теперь усиленно тренировал Джульбарса.

Мальчишки раздевались, бросали в кучу трусы и майки и медленно шли к реке. Вода была теплая, такая теплая, что из нее не хотелось вылезать.

Через неделю солодика скопилось уже столько, что бабушка Сергеевна грозилась «выкинуть» его со двора. Конечно, чтобы выкинуть его, Сергеевне пришлось бы звать на помощь всех других бабушек с улицы Щорса, а может быть, даже еще и с соседней. Союзной, — столько было солодика.

— Ты хоть скажи, зачем он тебе? — допытывалась у Кольки бабушка.

— Так... — неопределенно отвечал Колька. — Для одного дела...

— Безделье небось, а не дело! — продолжала ворчать бабушка. — Другая давно бы уже его в топку пустила. И как только я, Колька, все твои придумки стерпливаю?..

Но вот наконец Колька решил, что солодика скопилось уже достаточно, и на другой день рано утром по улице Щорса прогремели к его двору пустые тачки.

На них погрузили сухие коренья, и армия, похожая теперь на табор, покатила тачки в центр станицы, где была аптека.

По главной улице, там, где только что положили асфальт, ехать, конечно, не стоило. И обоз долго кружил по соседним переулкам.

Аптека открывалась только в восемь, а пока мальчишки поставили тачки рядом и уселись на землю, еще холодную после ночи.

Скоро открылась аптека, а потом главный аптекарь, сухой старик в белой шапочке, отворил скрипучие ворота, и мальчишки вкатили тачки во двор.

Солодик валили на весы, и старик крючковатым пальцем, похожим по цвету на пергаментную бумагу, стучал тихонько по блестящей гирьке и записывал что-то в свой блокнот.

Когда тачки опустели, старик посмотрел из-под очков на ораву ребятишек и молча ушел в дом. Вернулся с тонкой пачкой денег и сурово спросил:

— С кем рассчитывать, молодые люди?

— Со мной, — сказал Колька.

— Надеюсь, вы найдете полезное применение этой сумме? — строго спросил старик.

— Найдем, — сказал Колька.

Они вышли со двора, и тут он облегченно вздохнул.

— Все! Теперь надо подарок выбрать!..

— Такой, Коля, подарок, — поддержал Писаренок, — чтоб вся улица, знаешь...

Он не досказал, что же должна была сделать вся улица, увидев подарок, который мальчишки

собирались купить Астаховым, а только повертел руками, но все и так отлично поняли Писаренка.

Тачки бросили рядом с маленьким базарчиком, где торговали только в будни. Мальчишки пошли по магазинам.

Они обошли все магазины, которые были расположены в центре. Все — большие и маленькие. Они спорили у прилавков и по десять раз просили им показать одну и ту же вещь. Они по полчаса отвлекали продавщицу, и несколько раз их чуть было не выгнали из магазина. В большом универмаге толстая тетка с золотыми зубами, которая рассматривала ковры, предложила позвать милицию, чтобы там справились, откуда у мальчишек столько денег.

Но наконец все хлопоты остались позади. С покупками ребята вернулись к тачкам, и табор снова пошел кружить по переулкам.

Впереди неторопливо шел Колька. Обеими руками он бережно прижимал к груди большую хрустальную вазу. Ваза сверкала на солнце, в ней вспыхивали голубые и серебристые радуги, и Колька гордо поглядывал на прохожих. Вторым шел Писарь. В руках у него был громадный пакет. Два килограмма шоколадных конфет, самых дорогих, какие были в магазине, лежали в плотной коричневой бумаге.

Дальше ползли тачки.

Все мальчишки сосали леденцы — их купили на мелочь, оставшуюся от покупок.

Тетя Поля и дядя Иван Астаховы не держали собаки, и армия, оставив тачки на улице, смело подошла к крыльцу. Колька приподнялся на носки и постучал.

Дверь открылась. На пороге, держась руками за притолоку, стоял дядя Иван. Голова его была поднята, в спутанной бороде виднелись хлебные крошки.

— Приятного аппетита, дядя Иван! — негромко сказал Колька.

— А, Богатырев внучек, — улыбнулся дядя Иван. — Проходи в хату. — И он подвинулся к притолоке, освобождая место на пороге.

— Нет, я не пойду. — Колька поднял на грудь серебристую вазу. — Нас тут много. Мы теперь... шефствовать над вами будем... Зовите сюда тетю Полю — разговор есть.

— Шефствовать? — переспросил дядя Иван и потрепал бороду. — Смотри-ка!..

И крикнул, отвернувшись в темные сенцы:

— Поля! А ну иди сюда. Шефы пришли к нам, чуешь?

На пороге он взял тетю Полю за руку, и они медленно сошли с крыльца. Они стали лицом к солнцу и стояли осторожно и тихо.

— Поля, хлопчик Богатырев говорит, шефствовать над нами будут... Слышь, Поля...

Тетя Поля, седенькая, с рябым некрасивым лицом, тоже смотрела куда-то поверх ребячьих голов.

— Он хлопчик неплохой, — сказала тетя Поля. — И дед у него хороший был...

Колька переложил вазу в одну руку и стоял теперь, как чемпион с кубком, и мальчишки тоже подобрались и расправили плечи, перестав жевать леденцы.

— Дядя Иван! — торжественно сказал Колька. — Дедушка рассказывал нам, как вы с ним белых рубали... Вот наша армия... ну, мы, одним словом, берем над вами шефство. Вот мы принесли вам наш подарок...

Колька подошел к дяде Ивану и сунул ему в руку вазу. Дядя Иван обхватил ее цепкими пальцами, прошелся ладонью по тонкой ножке. Лицо его улыбалось, но улыбка была почему-то виноватой.

— Что же это, сынки? — спросил он. — Ваза?

— Хрустальная... — гордо сказал Колька.

Дядя Иван потрогал края вазы, потом снова ножку и сказал тихо-тихо:

— Красивая, должно быть, хлопчики, ваза...

Пацаны закричали разом:

— Красивая!

Дядя Иван улыбнулся. Голова его была поднята вверх. Казалось, он смотрит на солнце, и потому глаза его слезятся.

Он взял руку тети Поли и положил ее на вазу.

— Потрогай, Поля, какую красивую вазу подарили нам хлопчики...

Колька взял у Писаря пакет и отдал его тете Поле. Но ни дядя Иван, ни она почему-то не стали есть конфет.

Тетя Поля положила несколько штук в карман своей юбки, а остальные протянула мальчишкам.

— Не надо, это ж мы вам купили!.. — сказал Колька.

— На что они нам, не маленькие ведь, — тихо ответила тетя Поля. — Это я мальчику одному немножко оставила, он нам воду носит из родника...

Мальчишки взяли по конфете и расселись на ступеньках крыльца, на большом камне у порога. Они жевали шоколад и перемигивались, а Кольке было почему-то стыдно за ребят, стыдно за то, что они едят эти конфеты, а он, Колька, сидит вот рядом с ними и ничего им не скажет.

Колька отвернулся от мальчишек и вдруг в огороде у Астаховых увидел Лопушка.

Сначала над густыми зарослями веников двигалась только его огненно-рыжая голова, потом показались плечи. Лопушок шел, слегка наклонившись на один бок; видно, нес что-то тяжелое. Переменил руку и пошел снова.

Теперь Лопушок тоже увидел Кольку и всех мальчишек, но почему-то не остановился, а все продолжал идти — ближе и ближе.

И вдруг Колька все понял: за кустиками крыжовника промелькнуло цинковое ведро.

А Сашка уже неторопливо шел мимо мальчишек, шел так, как будто их вовсе не было во дворе.

Поставил ведро на ступеньку рядом с ногой Витьки Ореха, сказал громко:

— Принес, тетя Поля! Сейчас в бак перелью!..

И как свой пошел в сени.

— Тоже парнишка хороший! — сказал дядя Иван, кивнув вслед Лопушку. — Если бы не он, так и огород у нас высох бы... Нет-нет да и польет. И хорошей воды с речки приносит.

Мальчишки бросили есть конфеты и переглядывались молча.

Лопушок вышел на порог с пустым ведром, прыгнул с крыльца и вверх дном повесил ведро на колышек.

Она пошарила в кармане юбки и протянула Лопушку раскрытую ладонь с конфетами.

— Спасибо, тетя Поля! — сказал Лопушок, забирая конфеты.

Писаренок быстро глянул на Кольку и подвинулся на камне.

— Садись, Саш!..

— Мальчишки конфеты купили, поешь, — сказала тетя Поля.

Сашка сел рядом с Писаренком на самый краешек камня.

Положил рядом конфеты и отодвинулся еще чуть-чуть.

— Чего ж ты? — сказал Колька грубовато. — Носишь воду, а мы ни разу и не видели...

— А как бы вы видели? — спросил Лопушок почему-то грустно. — Я через огород хожу, а сюда через плетень через свой. Как бы вы увидели?..

— Вот уж с год скоро будет! — погладил бороду дядя Иван. — Зимой и летом, да, Сашук?..

— Ешь конфеты, — попробовал улыбнуться Колька Лопушку, но тот мотнул головой.

— Не хочется чего-то...

Витька Орех приподнялся со ступенек:

— Айда, ребята?..

Лопушок пошел вместе с мальчишками, но сразу же за калиткой повернул к своему двору.

— И что поливаешь, не сказал, — упрекнул Колька.

Лопушок остановился на секунду, посмотрел хмуро:

— Так вы ж не разговариваете...

И пошел снова.

Мальчишки зашагали в другую сторону.

Колька посмотрел вслед Лопушку, и ему вдруг почему-то стало жаль его.

— Дурачки несчастные! — сказал вдруг Колька. — Нужна им ваша хрустальная ваза!.. Триста лет не нужна!

Писаренок виновато улыбнулся, как будто это он, а не Колька первым предложил купить эту самую вазу.

Колька неожиданно остановился, крикнул:

— Лопушок!..

Сашка обернулся.

— Вечером соберешься поливать, заходи за мной, да?..

Лопушок как будто подумал немножко, потом кивнул головой и открыл свою калитку...

Глава пятая, или Рассказ о волшебной палочке

Каждый полдень к реке спускается стадо. Коровы сначала пьют у бережка, вытягивая шеи, потом заходят на середину речки и лениво дремлют под солнышком, время от времени помахивая мокрыми хвостами. К реке спешат женщины с подоюниками. Они ходят по бережку и зовут коров из воды:

— Марта! Марта!

— Звездочка!

Возвращаются с зорьки мальчишки-рыбаки. В это время обычно армия Кольки Богатырева сидит на рыжих кручах глинистого карьера, там, где сходятся все дороги, ведущие с реки. Мальчишки болтают ногами, осыпая голыми пятками комки глины, грызут семечки, и только двое с оружием в руках дежурят на дороге. Рядом с ними стоит в пыли старое жестяное ведро, прикрытое лопухом, в ведре — холодная вода.

Любой рыбак, возвращающийся с реки, обязан показать добычу мальчишкам. И всю рыбешку, которая была не больше ладони Вовки Писаря, мальчишки отбирали, бросали в ведро и потом выпускали в речку. Если мальки были на низке, у рыбака отбирали удочку, и никто потом не мог получить ее обратно.

В этот день мальчишки тоже сидели на кручах, и знакомые рыбаки, проходя мимо, здоровались с ними и не без гордости показывали кто кулан с крупными голавчиками, кто бидончик с усачами.

Солнце давно уже стояло в зените, и они собрались было домой, как вдруг Витька Орех негромко присвистнул и показал пальцем на заросли ивняка.

Мальчишки посмотрели туда, и все увидели, как неподалеку зашевелились кусты и над ними показалось тонкое удище. Оно скрылось на минуту, но потом появилось снова — не так-то просто протащить удище с леской через кусты, не поднимая его над головой.

— Степка? — спросил Витька Орех.

И Колька кивнул:

— Степка!..

Степка Яликов был самый отчаянный браконьер в станице Отрадной. Рыба у него почему-то никогда не ловилась, и почти каждый раз в конце рыбалки он находил небольшую протоку, бросал на берегу удочку и с камнем в руке начинал осторожно красться по воде.

Увидит, как две-три рыбешки нырнут под большой камень, и поднимает руку, прицеливаясь. Слышится глухой стук, летят брызги, и вот уже бедные рыбешки плывут вверх брюхом, а Степка, высоко поднимая колени, как сумасшедший несется за ними.

Мальчишки с улицы Щорса не раз заставляли его на месте преступления, но Степка Яликов хорошо бегал, и еще ни разу его не удалось поймать.

И вот теперь он, видно, тоже издалека увидел мальчишек и хотел выйти на Курортную в другом месте.

— Ты, Витька, с Лопушком забегай вперед, — распорядился Колька. — Я с Писаренком иду по следу, а Юрка сбоку. Ты, Меринок, оставайся на месте.

Как только затрещали кусты, удище все чаще стало вздрагивать над верхушками — Степка, видно, тоже прибавил ходу.

Но Колькина армия знала здесь каждую кочку, и вот уже Писаренок первым увидел Яликова.

— Сюда, ребя!..

Степка рванулся вперед.

Перед ним вынырнул из кустов Витька Орех, но этот Яликов ловко увернулся и побежал через кусты. И тут он лоб в лоб столкнулся с Лопушком. Закрыв глаза, Сашка схватился за бидончик, который Степка держал в руке.

— Как дам щас! — закричал Яликов.

Он бросил удочку и замахнулся на Лопушка, но тут сзади на него навалился Колька.

— Попался, глушила несчастный!.. — Подмигнул Лопушку: — Молодец, Саш... Глаза ему теперь завязывай...

Сашка завязал Степке глаза, и двое мальчишек под руки повели его через кусты. Иногда, когда ветки хлестали Степку по лицу, он упрямо останавливался и вертел вихрастой головой.

На крошечной полянке среди кустов бузины стоял шалаш. Мальчишки втащили в него Степку, и только здесь Колька разрешил развязать ему глаза.

Степка моргал короткими ресницами и зло оглядывался на мальчишек, которые сидели рядом с саблями наголо.

— Думаете, отсюда дороги не найду, да?..

— Отсюда, может, и найдешь, — ответил Витька. — Только смотри на речку дорогу забудешь, если еще раз поймает. — Он опустил ладошку в Степкин бидончик и вытащил оттуда мертвого голавчика.

Голавчик был совсем крошечный, не больше спички. — Вот, посмотрите, пацаны...

— Сколько ж тебя можно предупреждать? — спросил Меринок. — Губишь и губишь рыбу. Не жалко?

— А чего она, ваша, что ли? — огрызнулся Степка.

— Ну, значит, ничего он не понял, — вздохнул Колька. — Придется ему по-другому объяснить...

И вдруг Степка, который до этого смотрел на ребят вызывающе, сразу скис, опустил плечи.

— Вообще-то я знаю, почему вы меня поймали. Это я волшебную палочку забыл дома. Была б она со мной, так вы бы до сих пор за мной бегали...

— Какую, какую палочку? — переспросил Колька.

— Я ж говорю — волшебную...

— А ну-ка рассказывай! — приказал Колька.

И тут все узнали тайну, о которой никто из мальчишек раньше не слышал.

Оказывается, если выстрогать красивую палочку и легонько ударить ею обыкновенного ужа в тот момент, когда он будет проглатывать лягушку, эта самая палочка станет волшебной. Все, что хочешь, потом можно сделать с ее помощью. Лезешь, например, в сад. Воткнул палочку в землю у плетня — шагай спокойно. Можешь даже петь в саду, никто тебя не увидит, а если уж, в крайнем случае, тебя и увидят, то наверняка не догонят.

Или, например, идешь ты на вечерний сеанс. Держишь палочку за пазухой, и старая контролерша тетя Даша ни чуточки не обращает на тебя внимания.

Вот такая это была волшебная палочка, и, оказывается, с ее помощью Степке Яликову всегда удавалось убежать от мальчишек с улицы Щорса.

— А ты не врешь? — строго спросил Колька. — Это точно?..

— Чтоб мне сквозь землю провалиться! — Степка зацепил верхний зуб ногтем большого пальца, щелкнул и провел пальцем по горлу настолько это было точно.

Мальчишки задумались.

Нельзя сказать, чтобы они так уж верили в чудеса и приметы, но, во всяком случае, каждый из них торопился обогнать старушку с пустым ведром, чтобы она, чего доброго, не успела перейти тебе дорогу. Может, конечно, ничего такого и не случится, если она перейдет. А вдруг случится? Так лучше уж не рисковать.

Так и насчет этой самой волшебной палочки — вдруг да правда?..

Колька кивнул на Степку Яликова.

— Можно отпустить...

Когда Степку с завязанными глазами провели обратно на дорогу, когда стражники вернулись, Колька построил отряд.

— Разбиться по двое, — приказал командир. — Через тридцать минут каждой двойке надо принести сюда лягушку и ужа...

Двоек было четыре. Значит, четыре волшебные палочки будет у мальчишек с улицы Щорса! Это только сначала. А потом можно еще наловить ужей и лягушек, и у каждого будет своя личная волшебная палочка! Пусть тогда какой-нибудь браконьер вроде Степки Яликова попробует убежать от ребят с улицы Щорса!

— Повторяю, — сказал Колька, — через тридцать минут. Я смотрю на часы.

Конечно, чтобы посмотреть на часы, Кольке надо было бы сбежать домой или к соседям...

Ребята бросились к реке.

Через полчаса все двойки вернулись, и каждая принесла с собой лягушку. Но ни одна не принесла ужа.

Лягушек посадили в банку с водой, и мальчишки снова пошли на задание.

Прошло два дня, и лягушек пришлось отпустить. Надо ведь было чем-то кормить их, и половина армии перестала ловить ужа, а ловила мух — ничего другого лягушки не хотели брать в рот.

— Надо поймать сначала ужей, — рассудил наконец Колька. — А лягушек поймать в любое время.

После долгих поисков удалось достать одного ужа. Писаренок выменял его у мальчишек с улицы Партизанской.

Поймать лягушку не составляло никакого труда, и скоро все было готово.

В тот день, когда армия Кольки Богатырева должна была стать обладателем первой волшебной палочки, шел дождь. Он барабанил по широким листам кукурузы, сбивал желтые лепестки с широких шляпок подсолнухов. Тугие капли шлепались в маленькое болотце у дверей сарая. На их месте вырастали и беззвучно лопались крупные пузыри.

Дождь глухо шумел, но через этот шум прорывался другой — говорливый, звонкий. Улица Щорса

была предпоследней от реки, и в дожди по ней бежал глубокий ручей.

В другой бы день мальчишки готовились к навигации, которая обычно наступала после дождя.

По улице Щорса, задирая на больших волнах острые носы, мчались к речке легкие газетные корабли, медленно покачивались в мутной волне зеленые бутылки с вложенными в них записками. Записки предназначались в основном морякам военного черноморского флота.

Правда, когда вода сходила, их часто находили в траве, занесенной илом, где-нибудь в конце улицы, но ведь все равно часть бутылок попадала в речку. По ней они плыли в Кубань. А оттуда до моря — рукой подать.

Во время дождя из катушек и ученических перьев мальчишки мастерили турбины. Когда ручей на улице убывал, его перегораживали десятки плотин. Пока вода собиралась в запрудах, ребята пристраивали к плотинам узкие коридорчики из камней и глины. В конце каждого на длинном гвозде крепилась турбина. Потом проделывали проход в коридор, и вода, бурля и пенясь, устремлялась к турбинам.

Конечно, это очень интересное занятие, факт. Но сегодня мальчишкам было не до турбин. Их занимала одна мысль: поскорей заполучить волшебную палочку.

Они полукругом сидели в сарае вокруг старого ящика от посылки. На дне ящика свернулся кольцом большой черный уж. Те мальчишки, с улицы Партизанской, выдавали этого безвредного ужа за страшную ядовитую змею. Они покрасили ему желтые пятнышки на месте ушей и показывали с ним на улице всякие удивительные фокусы.

Армия так и не смогла отмыть краску. Уж и сейчас в самом деле был похож на ядовитую змею, и кое-кто из мальчишек посматривал на него не без опаски.

Витька Орех двумя пальцами достал из воды в стеклянной банке большую лягушку и бросил ее в ящик рядом с ужом. Колька держал наготове чисто выструганную палочку с узорами, которой в ближайшие минуты предстояло превратиться в волшебную.

— Ну, щас будет!.. — прошептал Колька и замер над ящиком.

Мальчишки во все глаза смотрели на ужа. Он не двигался. Он все так же спокойно лежал и не обращал на лягушку никакого внимания.

Лягушка забилась в угол ящика и беспомощно скребла по фанерному дну задними лапками, пытаясь вылезть.

— Бойтся! — сказал Писарь. И потом лягушке: — Он тебя не съест, не бойся!..

подсовывали лягушку под самый нос ужа — все бесполезно.

— Что, если ему рот раззявить и сунуть туда лягушку? — предложил Орех. — А потом ее оттуда вытащить?..

Мальчишки поддержали его, но Колька был неумолим.

— Ух вы и хитрые! — сказал он. — Надо по правилам!..

Все мальчишки были в телогрейках, в шапках. У Кольки не было шапки, зато на голову его капюшоном был надет сложенный вдвое старый крапивный мешок. Он плащом спускался на Колькины плечи, и с этой палочкой, которой скоро предстояло превратиться в волшебную, Колька был похож на маленького краснощекого гнома.

— А если он так и не станет... — начал было Вовка Писарь, но вдруг умолк.

Голова ужа поднялась и медленно скользнула через свою спину на дно ящика. Уж разматывался, как веревка, если ее потянуть за конец.

— Ш-ш-ш! — прошипел Колька.

Он палочкой вытолкнул лягушку на середину и придавил ко дну ящика. Лягушка заворочалась и задрыгала лапками, но уж вдруг широко раскрыл беззубую пасть, будто зевнул, и скользнул к лягушке. Зеленая голова неожиданно быстро скрылась в маленькой пасти.

— Давай, Коля, давай! — Писарь захлебывался от восторга. — Ну?

Колька отпустил лягушку, потом поддел палкой голову ужа и подбросил ее вверх. Лягушка шлепнулась на фанерное дно и снова попятилась в угол.

— Ура-а-а! — заорали мальчишки.

Палочка стала волшебной.

Потом они закрыли ящик крышкой и положили на нее пару кирпичей. Пусть теперь уж справляется с лягушкой — надо же ему и поесть. Он заработал.

Мальчишки вышли из сарая.

Ничто, кажется, не изменилось в мире.

Правда, кончился дождь. Но точно так он кончался каждый раз.

С умытых яблонь, что стояли у порога Колькиного дома, срывались тяжелые серебристые капли. Небо посветлело, и лишь далеко за горой медленно клубились иссиня-черные неуклюжие тучи. На ясене сидел взъерошенный скворец, чистил блестящие мокрые перышки.

Земля была совсем мягкой и теплой. Мальчишки шли по двору, и жирная грязь цвиркала у них под ногами.

Все в мире было по-старому. Но в руках у Кольки была теперь заколдованная палочка, и мальчишки шли за ним, гордые сознанием своего волшебного могущества над всем — над этой улицей, над мальчишками с других улиц, над всеми садами, над соседом Шатровым, над браконьерами, над безжалостной контролершей тетей Дашей, которая не пускала их на вечерние сеансы...

Все просили поддержать волшебную палочку. Но Колька был неумолим. Он положил палочку за пазуху и гордо шел теперь впереди войска.

Недалеко от Колькиного двора бежал мутный говорливый ручей. По щиколотку в воде стояли два карапуза, братья Шурки Меринка. Лица у них были забрызганы грязью, а когда они наклонялись, то подола их широких рубашек доставали до воды. В руках у Меринят были спичечные коробки.

Мальчишки снисходительно посмотрели на Шуркиных братьев. Вовка Писарь через зубы тоненько сплюнул в ручей.

— Малыши кораблики пускают. Что с них взять?.. Не понимают еще ничего!..

— Дети, чего там, — сказал Колька.

Мальчишкам хотелось поскорее испытать чудесные свойства волшебной палочки, но они, сдерживая нетерпение, степенно прошагали по своей улице — куда торопиться, если яблоки в любом саду все равно что твои собственные? — и лишь когда свернули на Курортную, прибавили шаг.

— В больничный сад, Коль?

Это спрашивает Витька Орех.

И Колька небрежно кивает.

Обычно больничный сад мальчишки обходили стороной, так как его охраняли три сторожа. Но ведь сегодня это не имело значения. Будь там хоть целый полк сторожей — что они могут поделаться против волшебной палочки?

Вдруг Писаренок остановился, и глаза его хитро заблестели.

— Стойте, пацаны! Я что-то знаю! — сказал он, и все остановились.

— Что? — спросил Колька.

— А вот что! — Писаренок перешел на шепот: — Айда к Лютику.

— К Едкому?..

О, этот Писаренок был мастером своего дела. В огороде у ботанички Ольги Федоровны, которую все ребята звали Лютиком Едким, росла яблоня, каких больше не найдешь во всей станице.

Ах, что это за яблоня! В погожие дни вокруг нее вьются пчелы. Даже с улицы видны большие румяные яблоки. Они прячутся в густой зелени, они висят на виду, на длинных ножках — так, как висят на елке шары. Наверное, именно поэтому всегда так хотелось потрогать эти замечательные яблоки.

Но...

Ольга Федоровна, наверное, тоже знала об этом, потому что еще в школе, когда Колька вызвался обрабатывать свою делянку, она сказала:

— Если ты, Богатырев, будешь занят делом, яблоки в садах останутся в безопасности, не так ли?..

Но Колька ни разу не лазил в сад к Лютику Едкому, и это дало ему право сделать тогда такое лицо, как будто Ольга Федоровна обидела его в лучших чувствах.

— Да я сам дам тому по шее, кто полезет за вашими яблоками! — горячо сказал Колька.

— Мне очень приятно, что ты все понял, Богатырев, — серьезно сказала Ольга Федоровна. — Очень приятно!..

Колька вспомнил весь этот разговор, и теперь ему стало неловко.

Почему обязательно к Ольге Федоровне? Да и вообще — почему в сад? Своих яблок мало, что ли?.. Ведь можно же испытать волшебную палочку по-другому.

— Знаете что, пацаны? — сказал Колька. — А что, если...

И осекся.

На него глядели решительные глаза Шурки Меринка.

— Что «если»? — подозрительно спросил Меринок. — Может, ты, Коля, боишься?..

Кто боится — Колька?

Кого — Лютика?

— Оч-чень я боялся! — презрительно сказал Колька и сплюнул под ноги Меринку. — Аида к Лютику, ребята!

И они пошли к реке, к тому месту, где к обрыву спускался сад Ольги Федоровны.

Рядом со старым плетнем, опоясавшим сад, тянулась неглубокая, заросшая болиголовом канава. Сейчас в ней стояла мутная желтоватая вода, но это, конечно, не могло остановить армию.

Мальчишки засучили штаны и один за другим спустились вниз.

Они наблюдали за домом.

Сердце у полководца колотилось. Ах, не подвела бы эта волшебная палочка! стыдно будет, если Ольга Федоровна увидит Кольку в своем саду.

Но разве мальчишкам что-нибудь объяснишь? Только ты открыл рот, как тебя тут же готовы обвинить в трусости. А что может быть страшнее этого?

Надо сказать сейчас ребятам, чтобы сорвали по одному яблоку, и все.

— Ну, чего, Коль? — спросил Писаренок нетерпеливо. — Можно лезть, да?..

— Сейчас, — сказал Колька. — Сейчас...

Он вытащил из-за пазухи волшебную палочку и осторожно воткнул ее в мягкую землю на краю канавы.

— Приготовиться! — шепотом раздалась команда.

И вдруг случилось то, от чего мальчишки вытаращили глаза: дверь дома открылась, и на пороге появилась Ольга Федоровна.

В руках у нее был замок. Она повесила его на дверь и посмотрела на небо. Потом раскрыла черный зонтик, поправила, нагибаясь, галоши и пошла к калитке.

По правде говоря, никто не ожидал, что сила волшебной палочки так велика!

— Ложись! — прошипел Колька.

Мальчишкам больше ничего не оставалось делать. Захлюпала вода, предательски затрещал сухой болиголов. Но волшебная палочка выручила и тут. Ольга Федоровна только мельком взглянула на канаву. Она плотно притворила за собой калитку и пошла от дома вверх по улице.

Мальчишки радостно переглядывались — ай да палочка!

Опасность осталась позади.

Колька потихоньку проделал в плетне узкий лаз и, когда зонтик скрылся за углом, юркнул в огород. За ним потянулась армия.

В огороде у Лютика между кустами картошки тянулись вверх толстые стебли кукурузы, по ним вились плети фасоли. Джунгли, а не огород.

С широких, как мечи, кукурузных листьев срывались капли, ноги мальчишек путались в густой картофельной ботве.

Они смело шли к дереву, которое стояло на небольшой полянке, заросшей горохом.

Мокрые яблоки глянцем блестят в жирных шершавых листьях. На яблоках висят маленькие бусинки — дождевые капли. Они светятся под щедрым закатным солнцем, и от этого яблоки кажутся еще красивей. И все в армии, кроме, может быть, только самого Кольки, уже чувствуют на языке их холодноватый вкус, чувствуют, как они сочно хрустят под зубами.

— Вперед! — командует Колька как можно уверенней, и мальчишки бросаются к дереву.

Ствол мокрый, лезть неудобно. Босые ноги скользят по дереву, и каждый сантиметр достается с трудом. Вот метрах в двух от земли остановился Вовка Писаренок — лучший в армии древолаз. Висит, ни с места. Приник, как дятел, к стволу, ищет, куда бы поставить ногу — хоть один большой палец.

Кольку не обманешь. Он зашел с той стороны яблони, которая осталась сухой, подпрыгнул повыше и сначала повис, обхватив ствол руками и ногами. Потом Колька согнулся в три погибели, правой рукой впился в ствол и пошел по стволу на полной подошве.

Это ничего, что с той стороны ствол мокрый. Колька всегда гордился своими ногтями. Он молча выслушивал длинные упреки бабушки. Он считал, что его ногти ничуть не хуже железных когтей тех самых «кошек», на которых лазят по столбам монтеры. Недаром он ни разу не надевал хитроумные Писаренковы «кошки», на которые они выменяли подкрашенного ужа!

Правая рука вверх, левая, правая, левая...

Колька, как и подобает настоящему военачальнику, первым взобрался на дерево и удобно сидит теперь на толстом сучке и уже тянет вниз руку:

— Цепляйся, Писарь...

Он помогает Володьке дотянуться до сучка, а потом Писаренок уже сам по стволу лезет выше. Колька помогает взобраться остальным, и вот уже вся армия расползлась по сучкам и развилкам над

Колькиной головой.

— Ку-ку! — раздается сверху.

Колька задирает голову. Писаренок чудом сидит на самом верхнем сучке и обеими руками держит у рта желтоватое яблоко величиной с добрую дыню.

Кольку почему-то вдруг охватила тревога.

Он прилег на толстый сучок, измазанный ногами прошедшей по нему армии, и внимательно посмотрел вниз.

В кукурузе мелькнуло что-то большое и рыжее, из огорода на полянку медленно вышла громадная собака.

Колька никогда не видел таких собак. Ростом чуть меньше годовалого теленка, длинные уши — с три Колькиных ладони — торчат, как у волка. Собака облизывалась.

— Пацаны! — прошептал Колька.

Мальчишки обомлели.

Теперь они тоже увидели собаку. Она спокойно стояла на краю полянки. Она даже потянулась, выпячивая грудь и отставив задние ноги, густо заросшие бурой шерстью. Она зевнула, громко щелкнув зубами.

По Колькиной спине поползли мурашки. Их было столько, что в другое время хватило бы на целых пять приключении.

Но ведь Колька недаром был вожаком, и сейчас командирский опыт подсказывал ему, что медлить нельзя ни в коем случае.

И Колька принял отчаянное решение: пусть собака погонится за ним — остальные спасутся.

Он быстро приподнял голову, оглядывая ребят.

— Она за мной погонится, — прошептал громко. — Бегите в другую сторону!..

Колька резко взмахнул руками и прыгнул вниз.

Собака присела на задние лапы, но Колька, словно заяц, с места прыгнул в кукурузу и помчался, сшибая кукурузные стебли. Он одним махом перескочил плетень, плюхнулся в канаву и побежал по ней к речке. Но канава заканчивалась отвесной стеной, и Колька подпрыгнул, но не дотянулся до верхней кромки и сначала повис, уцепившись за какие-то корни, а потом медленно сполз обратно.

Ему представилось, как громадная рыжая собака настигает его большими прыжками, и Колька тоскливо сжался и зажмурил глаза, прикрыв руками штаны.

Прошла, наверное, минута, прежде чем он открыл глаза. Прямо перед собой он увидел глиняную стену с белыми мохнатыми корешками травы, чуть выше — чью-то нору. Вверх по стене полз черный жук.

Колька еще больше втянул голову в плечи и оглянулся. Собаки не было.

Тогда он лихорадочно вырыл в глине одну за другой две ступеньки, ухватился за кустик крапивы и пулей выскочил из канавы на улицу. Здесь Богатырев снова оглянулся.

Все было спокойно. Тишина царила в саду. На дереве по-прежнему сидела армия. Вовка Писарь все так же сжимал в руках яблоко, похожее на дыню.

А под деревом в той же мирной позе сидела рыжая собака.

Значит, напрасно рисковал Колька — она не бросилась за ним.

Он хотел спасти свою армию, а вышло, что спасся только он один. Стоит сейчас тут цел и невредим, а ребята томятся на дереве, под которым сидит собака.

А скоро, наверное, вернется Лютик...

И тут Колька почувствовал, как у него дрожат ноги. Они вдруг стали противно тяжелыми и неуклюжими. А руки, наоборот, стали легкими, словно они из ваты. Руки висели беспомощно, и только кончики пальцев мелко тряслись.

Но надо было как-то спасти армию, и Колька медленно пошел к канаве. Он еще не знал, что будет делать, но ясно было одно: армия должна убраться с дерева, прежде чем домой вернется Ольга Федоровна...

В канаве он остановился напротив того места, где была дыра в плетне, и посмотрел в огород. В дыру ничего не было видно, но за плетнем, рядом с дырой, в кукурузе виднелся просвет, и Колька догадался, что это он оставил после себя аллею.

Колька привстал, держась за плетень. Эта проклятая собака, вытянув передние лапы, спокойно лежала под деревом, и ее длинные уши все так же торчали над волчьей мордой.

И откуда у Лютика такая собака?

Он тихонько свистнул, и она подняла голову. Армия тоже зашевелилась.

— Пацаны! — крикнул Колька негромко.

Армия молчала.

— Ребята!..

И тогда с дерева донесся жалобный голос Писаренка:

— Коль, скажи Лопушку — пусть ко мне не лезет, сучок и так треснул!..

Только теперь командир заметил, что все мальчишки незаметно подобрались к макушке. Над армией нависла смертельная опасность. Сейчас какой-нибудь подгнивший сук не выдержит, и тогда...

— Лопушок! — заорал Колька. — Я тебе шею намылю! Не лезь наверх, дурила!..

Тихо было в саду. Только слышно, как рядом тихонько шуршит река, как на берегу, заросшем кустами, поскрипывают лягушки.

— Коль! — простонал на дереве Писарь. — Он снова лезет!

Армия разлагалась на глазах. Трудно поддерживать дисциплину, если ты стоишь в безопасности за целый километр от своих солдат, если ты не можешь стукнуть по шее Сашку Лопушка, если ты не можешь подать руку лучшему бойцу Писаренку. Какая вера сейчас твоим словам? Надо было действовать немедленно, и Колька заорал изо всех сил:

— Все оставайтесь на местах, иначе вы сорветесь вниз! Сейчас я спасу вас... Я сбегу за Джульбарсом!

Колька галопом мчался по улице. Грязь летела у него из-под ног, и редкие прохожие шарахались в сторону.

Дома Колька схватил Джульбарса, нацепил саблю и, отмахнувшись от бабушки, опрорхнулся на улицу.

Братья Шурки Меринка все так же мирно пускали кораблики, только рубашки у них теперь совсем промокли.

— Сделай лодочку, Коля! — безнадежно попросил один из Меринков, но Колька только махнул рукой и, ни слова не говоря, помчался дальше.

Вернувшись к саду Ольги Федоровны, полководец застал ту же картину. На дверях дома все еще висел замок. На дереве, как грачи, лепились мальчишки. Только Лопушок сидел теперь на одном сучке с Писаренком.

«Ничего, этот Лопушок свое еще получит», — подумал Колька.

Рыжая собака преспокойно лежала на старом месте.

— Ребята! — крикнул Колька. — Я Джульбарса принес!.. Он зарычит, и собака испугается. Тогда бегите!.. Ну, выручай, Джульбарсик, — прошептал Богатырев и обеими руками бросил щенка за плетень.

Джульбарс развернулся в воздухе и шлепнулся в ботву. Грозный рев потряс все вокруг, Колька съехался, а мальчишки наверняка бы посыпались с дерева, если бы не знали, что так может рычать только их верный друг Джульбарс, в прошлом Пушок.

Рыжая собака вскочила и страшно ощерилась. Шерсть у нее встала дыбом, в глазах заплясали злые зеленые огоньки.

Собака присела на задние лапы и прыгнула. Колька замахал перед собой саблей и закрыл глаза.

Вдруг раздался тонкий жалобный визг, и командир понял, что с громадной рыжей собакой покончено. Но картина, которую он увидел, когда открыл глаза, поразила его. Рыжая мирно наклонилась над Барсиком, и весь вид собаки выражал удивление. Барсик, подняв для защиты одну лапу, присел на задние и жалобно скулил — скулил тоненько, как прежде, когда еще ходил в Пушках.

— Джульбарсик! — растерянно прошептал Колька. — Барсик!..

Джульбарс, всемогущая собака, от чьего голоса холодели сердца прохожих, от чьего голоса должны были разрываться сердца шпионов, беспомощно таякнул и задом пополз от рыжей собаки. И Колька понял, что от страха к Джульбарсу снова вернулся его прежний голос.

И в такую минуту, когда этот голос должен был решить все!

Рыжая собака равнодушно взглянула на беззащитного врага, потом на Кольку, который с саблей растерянно топтался у плетня, и пошла к дереву.

Джульбарс юркнул в кукурузу.

Теперь Колька не знал, как помочь армии, отрезанной от своего полководца. Он взглянул наверх и увидел, что Сашка Лопушок равнодушно жует. У него был вид обреченного. Колька отошел на другую сторону улицы, сел на мокрый холодный камень и задумался.

И тут полководец увидел в конце улицы черный зонтик. Домой возвращалась Ольга Федоровна.

Сердце у Кольки застучало. Он привстал с камня и попятился за куст.

«Успел спрятаться, не видела», — подумал Колька.

И тут вдруг что-то толкнулось в сердце: а ребята?..

Черный зонтик приближался, и Колькино сердце стучало громче и громче.

А когда Ольга Федоровна уже была рядом с калиткой, Колька отшвырнул саблю подальше в траву и, собрав все свое мужество, шагнул навстречу Лютику Едкому.

Она, кажется, сразу же увидела Кольку и приветливо улыбнулась. О, это она умеет делать! Зато потом...

Ноги у Кольки дрожали, но он тоже попытался улыбнуться, и улыбка, перемешанная с надеждой и страхом, замерла на его лице. Он приподнял кепку и поздоровался.

— Добрый день, Коля! — ласково сказала Ольга Федоровна. — Чего ты в наших краях?

Но Колька уже, кажется, собрался с духом, и поэтому он, не отвечая на вопрос учительницы, как можно веселее сказал:

— Ну и собачка у вас, Ольга Федоровна!.. Где вы ее только достали?..

— Понравилась? — расплылась в улыбке Ольга Федоровна. — Хорошая собачка, верно?.. Ее недавно подарили мне мои бывшие ученики...

— Хор-хорошая... собачка, — бодро улыбнулся и Колька. — Но только она какая-то интересная...

— Она умница! — сказала учительница.

— Но вы... вы знаете, Ольга Федоровна, она загнала... ну загнала на дерево наших мальчишек!..

— Как? — удивилась учительница и даже опустила зонтик.

— А так... — без особой уверенности сказал Колька. — Они шли... шли вот по улице спокойно. А она выскакивает и — гав! И погнала мальчишек на дерево!..

— Где же она? — Ольга Федоровна со страхом оглядела тонкие акации, которые росли на улице. — Где они, Богатырев?

Колька махнул рукой:

— Они там... во дворе... у вас...

Учительница медленно подняла брови, и командир с тоской понял, что от его объяснений пахнет враньем. Поэтому он тут же несмело добавил:

— Во дворе, конечно... Разве на этой акации спасешься от такой собаки... Ну... они во двор, и на дерево — р-раз!

— Но как Дианка выскочила? Вы, наверное, открыли калитку?..

— Нет, она сама!

— Кто сама? — строго спросила Ольга Федоровна. — Калитка?

— Нет, Дианка... — пролепетал Колька.

Учительница толкнула калитку, и Колька покорно побрел следом.

Лютик всплеснула руками, увидев на дереве целую армию. Она тихонько рассмеялась, так, что не слышал даже Колька, и пошла к собаке.

Потом она держала Дианку за ошейник, а мальчишки по одному спускались с дерева и, вежливо пятась, здоровались с Ольгой Федоровной. Они боком обходили Дианку, а Писаренок даже попробовал ей улыбнуться. Но улыбка, наверное, получилась предательской, потому что рыжая вдруг ощерилась на Вовку.

— Ах ты противная Дианка! — с сердцем сказала Ольга Федоровна. — Разве можно обижать таких хороших ребят?

Она закрыла собаку в сарае и принесла из дома яблок. Яблоки лежали в сите и были самыми красными, самыми спелыми.

— Ветер сбил, — пожаловалась учительница, — собрала нынче утром, ешьте...

«Делает вид, что поверила, — грустно подумал Колька. — Уж лучше бы отругала как следует, — так нет же. Сказано — Лютик Едкий!»

Но он все-таки протянул руку и взял яблоко — самое маленькое и, наверное, не очень вкусное.

— Хорошие яблоки, правда? — спросила Ольга Федоровна и хитро поглядела на Писаренка.

Писаренок охотно кивнул и часто заморгал.

Потом мальчишки медленно шли по улице. И молчали. Никто не ел яблок. Колька шел последним и тоже молчал.

— Чепуха это на постном масле! — сказал вдруг комиссар Витька Орех.

— Что — чепуха? — переспросил Писарь.

— Волшебная палочка, сот!

Только теперь они вспомнили про волшебную палочку.

В самом деле! Что же она — эта палочка? Значит, их обманул Степка Яликов? Или... или вранье все это про приметы и чудеса?..

— Нет волшебных палочек вообще! — хмуро сказал Орех.
Колька промолчал.

Глава шестая, из которой читатель узнает, как Колька Богатырев порвал с христианством

Что за чудесный день воскресенье!

Работы дома совсем мало, отцы и матери за все берутся сами. Под шумок можно даже не кормить поросенка. Разве что из жалости бросишь ему, чтоб не кричал, пучок жирной лебеды или мясистой щерицы.

Еще в субботу вечером начиналось это воскресенье.

Мальчишки оделись потеплее, взяли закидушки, которых у них великое множество (какой же ты мальчишка, если у тебя нет десятка закидушек?), хлеба, соли, луку. Витька Орех достал дома единственный ломкий лавровый листок.

Все собрались у дома Саши Верткова.

Потом мальчишки по двое, по трое садятся на коней. Кони трусят к реке, а сам Саша широко шагает рядом.

Если около бани перейти по перекасту на большой островок, наискосок пересечь его и переплыть второй рукав, выйдешь на чудесное место. Здесь под высокой горой, которая отвесными скалами падает к реке, есть узкая ровная полоска земли, покрытая густой травой и кустами жимолости.

Вечером скалы, облитые закатным солнцем, становятся совсем желтыми. В голубом небе над ними вьются щуры. Щурами они, наверное, называются потому, что так и кричат: «Щур! Щур!»

Здесь мальчишки треножат коней, а Саша Вертков и Колька уже вбивают в обрывистый берег колышки, нанизывают на крючки красных червей, привязывают к лескам плоские камни и забрасывают закидушки далеко в воду.

Бросать надо чуть вверх по течению: быстрая вода маленько снесет закидушку, пока камень будет опускаться на дно.

Но вот леска натянулась, дрожит, как струна. Там, где она выскакивает из воды и бежит на обрыв к колышку, играет и еле слышно звенит большой веселым бурун.

Пока пройдешь по берегу и расставишь все закидушки, пролетит немало времени, и можно уже смело возвращаться к той, которую поставил первой, и тащить ее из воды.

Леска подрагивает в руках, идет рывками, но это еще ничего не значит. Это камень, может быть, такой плоский привязан к леске. Если конец лески упрямо тянется вверх по течению — тогда другое дело. Значит, на крючке рвется большой усач, будто вышитый из коричневатого серебра.

Пока проверишь закидушки, повечереет.

За скалами прячутся резкие черные тени. Они становятся все больше и больше, все смелее выглядывают из-за скал и потихоньку выходят на берег. Вместе с ними приходит ночь.

Она глухой темно-синей завесой окутывает реку, окутывает кусты и траву вокруг, окутывает маленький языкастый костер на берегу.

На реке тихо. Только зашипит вода в котелке, переплеснувшись через край, да заржут вдруг кони. Иногда они, храпя и фыркая, на своих трех ногах тяжело прыгают из ночи к костру и подолгу стоят рядом, смотрят на огонь большими глазами.

Желтые и голубые языки пламени бегут по сухим веткам жимолости, оставляют за собой красный след. Пошевелишь костер, и вверх роем поднимаются маленькие веселые искры.

Хорошо лежать у костра на спине и смотреть в небо. Видно, как взлетают искры, взлетают высоко-высоко и скрываются в темноте. Можно подумать, что это они, искры, вверху превращаются в звезды.

Мальчишки на всей земле разжигают много костров. И русские, и чешские мальчишки, и индийские. И Джим Олден, наверное, тоже любит жечь костры. И искры от десятков костров летят в небо, становятся звездами и светят оттуда всем — и мальчишкам и взрослым. Но принадлежат они, конечно, только мальчишкам. У каждого мальчишки есть своя звезда — большая или маленькая...

Вчера мальчишки лежали у костра и смотрели вверх.

— Слушайте, пацаны, — сказал вдруг Писаренок, — я вам что-то расскажу...

Он помолчал немножко, наверное, потому, что никто ничего ему не ответил, потом заговорил:

— Жили-были одни пацаны... Им очень нравились звезды. И тогда большие узнали об этом,

подоставали звезды с неба и раздали всем пацанам — каждому пацану по звездочке...

— Это чего — сказка? — спросил Шурка Меринок.

— Ага, — откликнулся Писаренок. — Под вид сказки.

— Сам придумал?

— А что?

— Тогда неинтересно, если сам...

— Молчи, Меринок, — сказал Колька. — А ты, Писарь, рассказывай, что было дальше. Зачем они раздали каждому по звезде?

— А затем, — сказал Писаренок, — чтобы днем звезды были у пацанов дома. Лежали бы себе в прохладном сарае или в комнате с закрытыми ставнями отдыхали... А вечером бы все пацаны выходили на улицу со звездочкой в кулаке. Откроешь кулак, и звездочки отрываются от ладошки и летят вверх наперегонки...

А один пацан сказал всем, что его звездочка потерялась. И ему дали еще одну. Только он не выпустил ее на следующий вечер, а тоже сказал, что она потерялась. Или как-то там пропала. Ему снова дали одну, и он так говорил еще несколько раз. Но остальные пацаны потом не поверили ему, потому что он был страшный жадина, у которого посреди зимы снега не выпросишь. И вот однажды, когда этот пацан пошел в кино, остальные открыли у него во дворе темный сарай и увидели там несколько звездочек — почти десяток. Они были совсем бледные и худые, совсем прямо слабые — как светляки в октябре...

— А разве звезды бывают...

— Заткнись, Меринок! — оборвал Шурку Богатырев. — Слова не дашь сказать человеку. Что они. Писарь, сделали с этим пацаном?..

— Они ему накостиляли по шее, — сказал Писаренок. — А звездочки освободили и никогда больше не давали ему ни одной...

— Правильно, — поддержал Колька, — Что звезды — только твои, да?.. Хорошая сказка, Писаренок.

— Коль! — тихо попросил тогда Писаренок. — А можно, я запишу ее в нашу книгу?..

— Можно, — решил Колька. — Потому что это хорошая сказка. Этот пацан был, как вор Махно, которого мы ловили... И правильно, что ему накостиляли...

И мальчишки долго молчат. Может быть, все они пытаются представить себе, как раскрывают они ладошки со звездами и как звездочки летят вверх, обгоняя одна другую...

Потом, когда уха готова, деревянные ложки стучат о-маленький котелок и ноздри щекочет чудесный, ни с чем не сравнимый запах.

Снова можно проверять закидушки, потом снова лежать у костра. Можно, завернувшись в отцовский ватник, смотреть на огонь, опершись на локти и подложив кулаки под подбородок. Можно свернуться калачиком и смотреть на волны реки, холодные и тяжелые, будто вылитые из свинца.

Резко и коротко кричит дергач, птица, которая неизвестно когда и спит. А может быть, это она кричит во сне?

Ей снятся мальчишки — рыжие и лупоглазые. Они идут по болоту с рогатками в руках и смеются. Солнце запуталось в золотых волосах у мальчишек. Дергач нервничает во сне и кричит: «Др-др-др...»

Утром, когда матери спешат на базар, мальчишки возвращаются домой, и у каждого в руках — связка рыбы. И долго еще рыбой будут пахнуть отцовские ватники, а малыши — братья и сестры да и все пацаны с улицы Щорса — будут голыми пятками бить по большим рыбьим пузырям и слушать, как они лопаются — глухо, со свистом.

И вот сегодня рано утром мальчишки сидят на длинной низкой скамейке под забором у Шурки Меринка.

Солнце уже выкатилось из-за горы и застряло в зеленой рощице, спросонья щурится, глядит на неподвижные сады, которые еще не сбросили росу, на красные черепичные крыши, на тихие улицы, на мальчишек.

Воздух прозрачный, холодноватый и звонкий, как родниковая вода. В такое утро с крыши можно увидеть далеко на юге бледно-розовую шапку ледяного Эльбруса.

На акации за Шуркиным забором гомонят скворчата, где-то далеко тает серебряный колокольный звон. День будет хороший.

Но лица у мальчишек хмурые. Потому и хмурые, что звонит этот проклятый колокол. Он висит на высокой колокольне недалеко от стадиона, и раскачивает его помешанный парень Алешка-дурачок. Разве умный возьмется за такое дело?

И когда уже он не будет звонить над станицей, этот колокол, когда он перестанет в выходные дин

портить настроение мальчишкам с улицы Щорса?..

Ведь обидно же, когда твой командир смотрит на тебя чуть виновато и грустно говорит:

— В церковь пора... Бабушка ждет...

И пропадает потом почти на полдня.

А ведь сколько интересных дел можно было бы придумать за это время!

Сначала соревнования малышей или игра в лапту, потом — речка. Придешь с речки — в кино спешить пора. На военный фильм.

В кино мальчишки обычно идут строем, нога в ногу.

Рядом с колонной шагает Колька — ведет свое босоное войско.

Около кинотеатра мальчишки отдают Кольке по десять копеек. Он зажимает мелочь в потном кулаке и снова идет впереди войска.

Задолго до начала сеанса мальчишки толкаются у выходных дверей, чтобы потом первыми вбежать в прохладный зал, темноватый и гулкий.

Располагаются они в первом ряду. Если ряд уже занят, тут надо разобраться. Малыши сидят — пусть. Девчонки, конечно, тоже. А вот если мальчишки — ровесники, с ними разговор особый.

Колька глазами указывает на одного из сидящих с первым рядом, и к нему отправляется Вовка Писарь.

Глаза его блестят правдой:

— Пацан, там тебя мать зовет... У выхода... Не веришь?..

Пацан, конечно, не верит, но Писаренок смотрит на него так дружелюбно, что в душу к тому закрадывается сомнение. Он кладет кепку на свое место и, оглядываясь, идет к двери.

Где сел один, там усядутся двое. Где двое — там и третьему место найдется.

Когда рысью возвращается бывший владелец места, вся армия важно восседает на скамейке, а побежденные обладатели мест первого ряда стоят в проходе или теснятся на полу, у ног победителей. Если номер с матерью, которой вдруг ни с того ни с сего захотелось вызвать из кинотеатра своего сыночка, почему-то не проходит, армия без раздумья садится на полу перед самым экраном. Чем плохие места?

Здесь перед началом сеанса на матовом экране можно показать собаку, можно зайца — кого хочешь.

В зале, похожем на птичий базар, гаснет свет и помаленьку затихает шум.

Герои оживают на экране, и первым делом, конечно, надо разобраться, кто здесь наш, а кто не наш. Если герой улыбается и шутит, это, конечно, свой человек, советский. Если он хмурится, смотрит искоса и молчит, — чужой, шпион наверняка.

Впрочем, шпион сейчас все больше пошел хитрый — тоже сначала улыбается и смеется и только в самом конце делает всякие гадости. Так что отгадать сразу, кто шпион, а кто — нет, довольно сложное дело.

Когда поймешь наконец, кто наш и кто не наш, остается одно: следить, что будет дальше.

Но разве усидишь спокойно, если там, на экране, советскому разведчику угрожает опасность?! Вот он идет по заросшей аллее в старом парке, веселый и совершенно безоружный. Он напевает песенку. А по пятам за ним, скрываясь за стволами деревьев, бесшумно крадется здоровенный детина.

Вот разведчик присел, чтобы завязать шнурок. Неслышно ступая, подходит ближе детина. На лице его написана жестокость. Из маленьких ножен, укрепленных под мышкой, он достает нож. Сверкнуло лезвие. Еще секунда, и...

— Сзади!.. — громко шепчет разведчику Вовка Писарь.

Кулаки у него сжаты, он весь подобрался, как перед дракой. Подставить бы сейчас ножку этому, с ножом!

— Сзади смотри! — чуть не плача просит Вовка.

— Оглянись! — поддерживает Колька.

Тот, не наш, взмахивает ножом, но из кустов напротив встают двое. В руках у них пистолеты.

«Спокойно!» — говорит один, и весь зал ревет от восторга.

— Ага! — кричит в один голос армия. — Попался, шпик!

Потом армия гурьбой идет из кино. Колька шагает в центре, а мальчишки, млея от восторга, забегают вперед, заглядывают друг другу в лицо и наперебой, с восхищением пересказывают только что виденное там, в темном зале кинотеатра.

Писаренок вьюном вертится около Кольки и захлебывается от восторга.

— Он только хотел нашего, а наш его — р-раз!..

Кипят споры, но мальчишки прибавляют шагу. Теперь они спешат к Юрке Дубасову, центру нападения и капитану футбольной команды взрослых, который тоже живет на улице Щорса. Надо ведь отнести на стадион бутсы, сетку с мячами и маленький чемоданчик Юрки. Не на каждой улице небось живет нападающий!

От Юрки — на стадион. Надо успеть повесить сетки на ворота и пару раз стукнуть по мячу, пока поле не займут футболисты.

А там — игра! Мальчишки сразу же становятся на линии вдоль чужой половины поля. Они-то знают, что Юрка Дубас с улицы Щорса, который, говорят, когда-то тоже лазил по садам, тоже мастерил самострелы и носился по улице с саблями из обручей, наверняка прорвет защиту этих футболистов из соседней станицы. Не было еще случая, чтобы Юрка с улицы Щорса, высокий, стройный, с крепкими ногами, не забивал за игру хотя бы одного гола.

— Ю-ра! Ю-ра! — хором орут мальчишки, когда капитан обводит двух игроков из соседней станицы и как стрела мчится к воротам.

Мяч, кажется, прилип к Юркиной ноге. Где нога, там и мяч.

Ближе, ближе ворота. Наперерез Юрке бегут защитники, но...

Удар!

И сетка ворот хлопает, как парус, который наполнило ветром.

— Та-ма-а!..

Эх, да что там говорить, воскресенье — замечательный день!

Но почему тогда хмурятся ребята, если погода обещает быть хорошей?

Да потому, что звонит этот проклятый медный колокол, который раскачивает помешанный парень, Алешка-дурачок. Разве умный возьмется за такое дело?..

Сидят ребята на скамейке под забором Шурки Меринка. И Колька сидит: И тоже смотрит, как из рощицы на гребне горы выпутывается сонное солнышко.

Но выйдет сейчас из калитки Колькина бабка и крикнет:

«Коля! Иди домой, внучек!..»

Потому что звонит колокол.

«Я сейчас, ребята», — виновато скажет командир и нехотя пойдет домой.

В воскресенье на бабушке Сергеевне длинная черная юбка с тысячью складок, кофточка в синий горошек и белая косынка.

Сейчас вот она расчешет Колькины вихры, поворчит, смажет коровьим маслом цыпки на покрытых ссадинами ногах командира, даст ему чистую рубашку — белую, в синюю полоску.

Когда Колька оденется, он снова, конечно, выйдет к ребятам, посидит еще, поболтает. Но что толку?

Все равно покажется на улице бабка Сергеевна с узелком в руках. В узелке у нее, Колька говорит, яички, яблоки, деньги. Все это она отнесет в церковь.

«Пойдем, Коля-внучек...» — скажет бабка и сухой рукой, которая вся в тонких морщинках, возьмет Кольку повыше ладони.

И бывший министр геологии, а ныне командир краснознаменного отряда снова будет виновато оглядываться и делать ребятам знаки — я, мол, сейчас вернусь! — но покорно поплетется за бабкой и даже будет нести узелок.

Дела!

А чего хорошего в этой церкви?

Ребята однажды ходили, интересовались.

Ничего хорошего. Духота. Старики и старухи что-то тянут противными голосами и крестятся. Руки у всех коричневые, словно пергаментом обтянуты. На стенах иконы. Также одни старики, и все какие-то заросшие, худые, бледные, как будто сто лет не евшие. Как в каком-нибудь немецком лагере для военнопленных.

Пахнет приторно горелым маслом. Оно у попа в чашечке — в кадиле. Поп, Колька говорит, часто пьяный бывает, но сам хочет, чтоб дисциплина в церкви была отличная. Крикнет, если кто заговорит. Вот никто и не разговаривает друг с другом.

И чего там пацану делать? Если тебе, конечно, в субботу будет сто лет и заняться тебе ну совершенно нечем, — что ж, иди в церковь, пожалуйста!

И то не все ходят.

Вот дед Иван Жуков, например, кузнец. Ему уже восемьдесят лет, а он в воскресенье вместо церкви со скамеечкой на стадион ходит. Ни одной игры не пропускает. Его футболисты однажды даже в Армавир с собой брали, когда ездили играть на краевое первенство.

И вот дед Жуков на стадион, а Колька — в церковь!
Бедный Колька! Некому за него заступиться!
Потащила вот Меринкова бабка ребят в церковь, а отец их и говорит ей после:
— Вы, мамаша, это оставьте... Верите в бога — верьте, а пацанам моим голову не забивайте! А то вытащу-ка я из угла ваши иконки, положу их на плаху да топориком по ним, топориком!..
Поплакала бабка, конечно, но Шурка и все его братья ходят теперь на свободе.
А у Кольки бабушка — и отец ему и мать. Вот она им и распоряжается, как захочет. Хотели сегодня ребята в лес с утра уйти — нет, нельзя Кольке. В церковь на заутреню спешить надо.
Ну разве это жизнь?
И так каждое воскресенье. Все планы рушатся. Уходит Колька, а армия сиди и жди, когда он вернется.
Конечно, будь это не Колька, а кто-нибудь другой, его бы засмеяли мальчишки. Но тут очень-то не посмеешься.
— Коля! Иди домой, внучек!
Это кричит Колькина бабка.
Мальчишки переглядываются.
— Сейчас я, пацаны, — виновато говорит Колька и встает со скамейки.
Мальчишки молчат.
— Не ходи, Коль! — не выдерживает наконец Писарь.
И командир, признанный храбрец и забияка, смотрит пол ноги и не хочет поднять головы.
— Нельзя! — говорит он тихо.
— Почему нельзя?..
— Тетя Тоня говорит, что сердце у бабушки больное, — вздыхает Колька. — Расстроится она очень... Я ж уже пробовал не ходить, да ведь жалко же бабушку...
— Ну еще раз попробуй! — молит Писарь.
Но Колька уже шагает к дому...
— Что будем делать, пацаны? — спрашивает комиссар Витька Орех и обводит армию несмелым взглядом.
И Вовка Писарь, лучший Колькин друг, говорит отчаянно и решительно:
— Восстать надо!..
— Против кого? — спрашивает комиссар. — Против церкви?
— Нет, — твердо отвечает Писарь. — Против Кольки!..
Мальчишки сбились в тесный кружок и о чем-то начали шептаться — таинственно и горячо...
А через десять минут все они снова сидели на скамейке. Но теперь они были вооружены до зубов. Так армия вооружалась только перед длинными походами, которые обычно сопровождалась кровопролитными войнами с соседскими мальчишками, с бродячими собаками и с лопухами.
Армия ждала Кольку.
Когда он вышел, в руках у него был белый узелок.
Он подошел к Шуркиному двору и остановился вдруг, глядя с тревогой на вооруженных мальчишек. Может быть, Колька хотел сначала крикнуть командирским голосом, что не было такого приказа — вооружаться.
Но лица у мальчишек были так суровы, что Колька растерялся.
— Куда это бы? — спросил он тихо.
Писаренок подтолкнул локтем комиссара, и комиссар сказал небрежно:
— Да так... на войну. Надо тут одному дать по шее...
— А я? — еще тише спросил Колька.
— А мы с тобой больше не играем, вот...
Меринок вдруг повернулся к Кольке, блеснул глазами:
— Скажи, Жирный, бог есть?
В другое время Колька не допустил бы такого обращения. Но после неудачи с волшебной палочкой дисциплина в армии изрядно пошатнулась. Армия снова разлагалась на глазах. И Колька промолчал насчет Жирного.
Только сказал шепотом:
— Бабушка говорит, есть!..
Армия задвигалась, приглушенно загудела. А Писаренок сказал с вызовом:
— Есть, да? Есть?! Пусть он тогда нам кинет с неба яблоко! Пусть...
— Оно все равно разобьется, — угрюмо ответил Колька, не глядя на Писаренка.

Эх, зря он, наверное, не объяснил все Володьке, когда они вечером сидели за домом. И вот теперь Володька смотрит на Кольку, как враг какой, и спрашивает про бога. Бог что — как с бабушкой?!

— Подождите! — сказал комиссар, поднимая саблю. — Скажи, Коля, пойдешь с нами или нет?..

Колька стоял, сжимая в руке узелок, а вокруг, ожидая ответа, замерли ребята.

— Я последний раз схожу, — попросил он тихо. — Я не из-за себя, пацаны...

— Как хочешь, — твердо сказал Орех. — Только... только смотри... Настоящий командир сразу не пошел бы...

— Узелок! — нетвердо сказал Колька. — Куда его... Куда я его дену?..

Писаренок подскочил к Кольке.

— Да тут оставим, Коль!..

— А ты с нами!..

— Хочешь, на мою саблю?..

— Моя лучше, Коль, на мою!..

Мальчишки суетились вокруг Кольки, улыбались чуть-чуть тревожно и радостно. Кто-то тронул его за рукав рубашки, кто-то протянул саблю.

Писаренок взял из Колькиной руки узелок и поставил на камень у забора.

— Тут оставим, ничего ему не сделается!

— А бабушке — записку! — подсказал Витька.

— Правильно! — заторопился Писаренок, доставая из-под майки свою книгу и карандаш. — На, Коля, вырывай хоть два листка, хоть три...

— Она читать не умеет, — жалобно сказал Колька.

— Кого-нибудь попросит. Пиши!

Колька опустил на колени перед скамейкой.

...На камне стоял узелок. Над ним, на Шуркином заборе, висела записка, приколотая стрелой: «Бабушка не ругайся в церковь я больше не пойду бога нет Колька».

— Ну, пошли, — торопил Писаренок.

Армия рванулась вперед.

И вдруг Колька остановился, медленно оглянулся на узелок, и вид у него был такой, словно он жалеет, что не пошел в церковь.

— Чего ты? — спросил Витька тревожно. — Ведь договорились же, Коль! Надо скорее — сейчас бабка выйдет!..

— Дай, Писарь, карандаш, — попросил Колька, как будто на что-то решившись, и уже громко приказал армии: — Стоять смирно, с места — ни шагу!..

Писаренок протянул Кольке карандаш.

Богатырев подошел к забору, на котором висела записка, еще раз прочитал ее молча. Секунду подумал и, пригнувшись, поставил в конце запятую. Потом написал коряво: «только все равно ба я от тебя никуда не уеду».

...Бабушка Сергеевна вышла со своего двора и, опершись на палочку, из-под сухой ладошки глянула в ту сторону, где должен был ожидать ее Колька.

Она никого не увидела на улице и в который уже раз снова подумала о том, что глаза у нее стали совсем плохие, что трудно с такими глазами, когда у тебя такой бедовый внук, как Колька...

Она медленно пошла по улице, и улыбнулась, и качнула головой, так подумав о Кольке.

Бабушка Сергеевна дошла до двора Шурки Меринка, поглядела на большой камень, где еще недавно сидели мальчишки, и, заметив свой узелок, остановилась.

Она увидела записку и вытащила из забора наконечник стрелы. Записка упала за камень, и бабушка Сергеевна, наклонившись, долго шарила морщинистой рукой между забором и камнем.

— Всю пыль собрала, — проворчала она и поглядела на записку.

Она не могла прочесть то, что было написано на листке, только видела, что каракули на ней точно такие же, как и в Колькиных тетрадях, которые она почему-то любила листать, когда Колька уже засыпал на своей кровати.

Бабушка Сергеевна вздохнула и спрятала записку в узелок. Она поняла, что идти в церковь сегодня ей придется одной.

И она снова пошла по улице, опираясь на палку и думая о том, что вот Колька становится уже совсем большим и не всегда теперь ее слушается. Ей было и горько от этих мыслей, и радостно, потому что увидеть Кольку большим и совсем уже самостоятельным — этого она хотела больше всего на свете...

Глава седьмая, в которой говорится о том, как армия Кольки Богатырева осваивала «сельскохозяйственное производство»

И вот наконец почтальон дядя Коля остановил свой велосипед у Колькиного дома и сказал магические слова:

— Вам заказное...

И мальчишки уже бросают вверх кепки и тюбетейки и рвут друг у друга из рук письмо из далекой Австралии.

А через пять минут, погрузневшие, они сидят около Колькиной калитки и молчат.

Что тут скажешь?

Этот Джим Олден, кроме всего прочего, написал, что есть у него своя собственная корова, у которой странное имя — Процветания. И дает эта Процветания ни много ни мало по тридцать литров молока в день.

«Как зовут Вашу корову, мистер Богатырев, — спрашивает в своем письме Джим, — и сколько молока получаете Вы от нее в лучший сезон?»

Как зовут Колькину корову, на это, конечно, можно ответить хоть сейчас. Это не проблема. А вот что касается молока, тут дело посложней.

— Сколько, а? — спрашивает Писаренок.

И Колька молчит. Откуда ему, собственно, знать? Разве удел полководца — возиться с коровами?

— Надо спросить у бабушки, Коль, — предложил Писаренок.

И армия идет к бабушке Сергеевне.

Она сидит на маленькой скамеечке в тени за домом и легонько мешает ложкой варенье в большом медном тазу. Таз стоит на закопченных кирпичках, и под ними пляшет веселый сухой огонек. Теплый запах дымка и меда дрожит в воздухе. Варенье давно уже кипит, клокочет, и на нем собирается по краям нежно-розовая пенка. Бабушка Сергеевна ложкой собирает ее в большую расписную тарелку, которая стоит рядом на табуретке.

Армия и вертится с утра у Колькиного дома из-за этой пенки.

Командир незаметно для бабки провел пальцем по краю тарелки и сунул его в рот. Вкусная штука эта пенка!

— Ба, — спросил Колька, — сколько ты вчера надоила молока?

— Две цибарки вчера Зорька дала, — ответила бабушка. — Одна полная будет, а вторая без четверти...

— Сколько, ба, литров?..

— Да кто же его точно знает, — спокойно рассуждает Сергеевна. — Может, двадцать, а может, и все двадцать два...

— И не больше ни на сколько? — заволновался Колька.

— Больше двадцати двух редко бывает...

— Мало! — вздохнул командир.

А бабка сказала весело:

— Чевой-то тебе мало? Пей хоть сколько, да только куда тебе поправляться?

Ребята смеются, но Кольке сейчас не до шуток.

— Я не себе, — сказал он. — Вообще говорю — мало!..

— Продавать, что ли, вздумал? На кино не хватает, что ль?

Колька снова поморщился. А Писаренок объяснил:

— Нам, бабушка, один австралийский пацан написал про свою корову. Процветанией зовут... Так она тридцать литров дает — во как!

может, и она бы дала столько. Это не край... Да мне уж куда — травы сорвать трудно...

Глаза у Кольки загорелись.

— А дала бы?

— И-и, больше бы дала! — уверенно сказала Сергеевна. — Такая корова, как наша, сто сот стоит.

— Тогда, значит, даст! — твердо решил Колька.

Он снова незаметно макнул палец в пенку, облизал его, и армия скрылась за домом. Мальчишки сели на солнышке и загалдели.

Мальчишки совещались...

На следующий день чуть свет армия собралась во дворе у Кольки. Сабли были наточены еще с вечера, и теперь оставалось одно: сидеть и ждать, когда Сергеевна подоит корову.

Вот она вышла с подойником из дома, перекрестилась на восход и поздоровалась с ребятами. Колька встал и за бабкой пошел в стойло.

Мальчишки сидели на низкой глиняной завалинке, отсыревшей за ночь, и слушали, как просыпается станица. Во дворе через улицу тоненько скрипел колодезный журавель, скрипел по-осеннему жалобно и звонко. На заборе у Сашки Лопушка захлопал крыльями и загорланил красногрудый петух Киндер, названный так в честь учителя немецкого языка. Где-то на краю станицы глухо запел пастуший рожок. Это самая первая песня трудового человека летним утром, и сегодня мальчишки слышали ее, потому что день им предстоял трудовой.

Колька выскочил из-за сарая с подойником в руках.

— Эй, пацаны! — закричал он и, поставив ведро, бросился в сенцы.

Мальчишки вскочили с завалинки и обступили цибарку, закрытую марлей.

Командир принес из дома большое эмалированное ведро, скамеечку и полулитровую стеклянную банку. Поставил банку на скамейку, снял с ведра марлю и стал лить молоко в банку.

— Давай, пацаны!..

Витька Орех вылил молоко из банки в пустое ведро и снова поставил ее на скамейку. Писаренок открыл свою амбарную книгу.

Он примостился на краешке скамейки и написал на чистом листке большими печатными буквами: «Утро». Потом поставил напротив жирную птичку — пол-литра молока есть!

Витька Орех снова вылил молоко в эмалированное ведро, и на листке появилась вторая птичка. Амбарной книге — боевому журналу Колькиной армии, в котором хранились только страшные военные тайны, — отныне суждено было стать мирной бухгалтерской книгой.

Наконец Колька поставил на место пустое ведро и вытер потный лоб — это ведь была непривычная для полководца работа.

— Сколько? — спросил он у Писаренка и поправил на боку мешавшую саблю.

— Шестнадцать птичек — восемь литров, — бодро отрапортовал Писаренок.

Рожок пастуха пел уже совсем близко, и Колькина бабка выгнала Зорьку на улицу. Зорька успела ухватить по дороге листок с яблони и теперь равнодушно жевала, поджидая стадо.

Потом Зорька пристала к стаду, и мальчишки пошли за коровами рядом с пастухом. Это был маленький сухой старик с седыми бровями. С плеча его свисал и длинной змеей волочился по земле тугой ременный кнут. Старик чуть прихрамывал, но шел бодро и весело, и его рожок гудел теперь тоненько и стройно.

Мальчишки шли за ним гурьбой до самого моста, а когда коровы уже ступили на деревянный настил, Колька забежал сбоку и, заглядывая в лицо пастуху, сказал:

— Дедушка, а наша корова сегодня пастись отдельно будет. Бабушка велела...

— А что так? — Дед сунул рожок в карман старого плаща.

— Не знаю, — удивился Колька. — Велела — и все, мое дело маленькое...

— Может, больная она? — спросил дед, отыскивая корову глазами. — Вон она, твоя Зорька... Так здоровая с виду...

— Нет, и в самом деле больная, вспомнил... — обрадовался Колька.

— Не может того быть, — наставительно сказал дед. — Смотри, как хвост держит-то... А у больной скотины он поленом висел бы!

Но Колька уже ухватился за ту спасительную мысль, что Зорька болеет, и был готов теперь доказывать это любыми путями и назвать какую угодно болезнь, вплоть до коклюша или свинки. Мало ли что бывает с коровами, верно?

— Это она храбрится, — сказал поэтому Колька. — Виду не подает... А так она больная-пребольная... Придет домой, повалится у яслей и ревет страшным голосом...

— Ну? — Дед так удивился, что его седые брови изогнулись маленькими дугами. Он цокнул языком и протянул с сожалением: — Дела-а, брат!..

Вся армия прислушивалась к разговору, и теперь Писаренок решил, что самая пора вставить слово. Он посмотрел на деда, в глазах у Вовки была такая жалость, словно он вот-вот готов расплакаться.

— Точно... Сам видел... Катается...

Мост уже кончился. Дальше дорога за выгон круто шла в гору... Пора было действовать.

— Жалко ее! — еще раз вздохнул Колька и бросился отбивать свою корову от стада.

Если бы старик не ушел вслед за стадом сразу за гору, а постоял и посмотрел бы вниз, он бы

увидел, как Зорька бежала по каменистой дороге, подгоняемая всей армией. Крутые бока ее тяжело тряслись. Зорька мотала головой, но мальчишки гикали и махали саблями, и бедное животное, которое теперь прочили в рекордистки, несло по дороге к лесу.

Там, по единодушному мнению всей армии, росла трава самая высокая и самая густая в станице, и мальчишки спешили — к обеду Зорька должна была вернуться к реке.

Пастух запомнил рассказ Кольки о странном поведении Зорьки и поэтому в обед, когда коровы спустились к реке, посчитал своим долгом подойти к бабушке Сергеевне, чтобы хоть как-то разделить с ней ее горе.

Сергеевна уже подоила Зорьку и обвязывала марлей подою, когда к ней подошел пастух. Они поздоровались, и дед достал из кармана старый замусоленный кисет. Он тяжело присел рядом с ведром, кивнул на реку, где стояла корова, и участливо спросил:

— Болеет?

Мальчишки, сидевшие неподалеку, все видели и слышали и все замерли в ожидании, но Сергеевна вдруг всплеснула руками.

— Так я и знала! — сказала она горько. — Болеет, Митрофаныч, видно. Обычно в полдень семь

Старик покосился на Зорьку и закурил. Стряхнул со штанов на колене табачные крошки, встал с корточек.

— Задумчивая, гляди ты, стала... Все, вишь, бодрые такие, а она... Печаль какая-то, видно, завелась...

Сергеевна тоже смотрела на Зорьку. Корова стояла, как-то странно свесив голову набок, и дышала тяжело и часто, и бока ее раздувались, как кузнечные мехи...

— Ты уж посоветуй, Митрофаныч, — попросила бабка.

— Дома-то у нее — покой? Не заморили?

— Да откуда же? — снова всплеснула руками бабушка.

— Заморенная она, — уверял Митрофаныч. — И похудшало ей, утром бодрей казалась...

Мальчишки, как один, встали и, не оглядываясь, тихонько пошли от берега. Армия отступала.

— «Замо-о-ренная»! — передразнил пастуха Писаренок.

Будешь тут заморенный! Кто ж знал, что все получится не так, как предполагали ребята!..

Армии не повезло. Как только утром мальчишки с Зорькой вошли в лес, на полянке показался лесничий.

— Потравщики! — закричал он, снимая с плеча ружье. — Управы на вас нет! А ну, давай корову!

Черные усы у него топорщились под большим угреватым носом, глаза сверлили мальчишек.

И армия дрогнула.

Колька схватился за веревку, которую он привязал к рогам Зорьки, чтобы легче ее было переводить туда, где трава погуще, и потащил корову сквозь кусты. Все кинулись за ним. Выбиваясь из сил, спасали мальчишки Зорьку и скрывались сами. Они пересекали многочисленные лесные овраги, и корова тяжело спускалась вниз, а потом нехотя взбиралась вверх вслед за Колькой. Они переходили болота и ручейки, и под ногами у Зорьки чавкала жирная грязь. Они саблями прокладывали путь сквозь кусты и потом мчались через поляны, и Зорька неслась впереди, как добрая скаковая лошадь.

Лесничий был без лошади, и только поэтому армия сумела улизнуть от него. Но пастись Зорьке, конечно, было уже некогда. Пока помыли ее в холодном ручейке на краю леса, солнце встало в зените, и надо было гнать Зорьку на речку. Какое уж там молоко, если бедной Зорьке удалось, наверное, всего пару раз щипнуть пыльную тимофеевку, что растет обочь дороги.

Потому и заморенная.

Конечно, сегодня даже не стоит считать, сколько надоит вечером Колькина бабушка.

Мальчишки переживали неудачу, и на военном совете, который состоялся в тот же день, было решено изменить тактику.

— Покой нужен! — Эти слова старика Митрофаныча были приняты как закон.

На следующий день мальчишки снова тщательно измерили утренний надой и снова вслед за Зорькой вышли со двора. Но теперь они не отбивали ее от стада, а вместе с Митрофанычем пошли на гору.

Коровы, взбивая тяжелую, влажную с утра пыль, взобрались на холм, покрытый плотным ковриком серебристо-зеленого чебреца.

Митрофаныч, кряхтя, нагнулся, сорвал пучок росной травы и поднес ее к лицу. Вся армия, как один человек, проделала то же самое, и Колька тоже уткнул нос в пучок. От него пахло летним дождем и

теплым степным ветром, пахло земляникой и всеми травами, какие только были вокруг.

— Солнышко-то, солнышко! — тихо сказал Митрофаныч, и ребята посмотрели на солнце.

Краснощекое, как сам Колька, оно приподнялось над светло-зеленым гребнем дальней горы. Оно еще держалось тоненькими серебряными лучиками за землю. Лучики удлинялись, растягивались. Вот-вот они оборвутся, лопнут, и тогда яркое солнышко медленно поплывет вверх — все выше и выше.

— Ну, теперь и закусить не грех...

Это сказал Митрофаныч. Он снял свой брезентовый плащ и разложил его на траве, сиял с плеча холщовую сумку.

А мальчишки все еще стояли и смотрели на солнце, на степь вокруг.

Налево с холма спускалась узкая дорога. Дальше она петляла, вилась книзу, как брошенная в траву веревка, и терялась в рыжих хлебах. Пшеница уже золотилась под первыми лучами, а за ней вдалеке в утренней дымке мешались и путались цвета и краски. Цвел сиренью шалфей, желтели подсолнухи, блестели, как разлитое в траве молоко, островки жабрея, и вся степь как будто тоже радовалась хорошему утру и румяному солнышку.

До вечерней зари толкалась армия около стада. Мальчишки саблями срезали самую сочную траву и таскали ее Зорьке. Но Зорька почему-то лишь ворошила лениво охапки зелени и шла дальше за стадом. Мальчишки вслед за ней покорно переносили траву с места на место, снова и снова подсовывали ее будущей рекордистке, но Зорька, видно, никак не хотела понять, что на нее возложено такое важное дело.

— Чего таскаете, она уж завяла совсем, — ворчал Митрофаныч. — И траву топчете, есть скотина не станет... Посидели бы на одном месте!

Колька был талантливым полководцем. Он смело шел на любые военные хитрости, и, конечно, только это помогло армии и сейчас принять одно из самых достойных решений.

— Надо, — сказал Колька, — проследить, какую траву охотнее других едят эти бестолковые коровы. Надо, — сказал Колька, — срывать потом и приносить Зорьке только такую траву.

Полководец остался следить за Зорькой. Остальные мальчишки разбежались по степи, и каждый выбрал для наблюдения самую толстую и самую большую корову. Полчаса все заглядывали в рот Пеструшкам и Звездочкам, Буренкам и Красавкам. Коровы косили на мальчишек ничего не понимающими глазами и недовольно фыркали.

Через полчаса Витька Орех донес Кольке, что больше всего Зорьке должна понравиться заячья капуста. Шурка Меринок уверял, что для настоящей коровы нет ничего вкуснее сурепки.

Последним вернулся с задания Писаренок и заявил, что самая питательная трава — это, конечно, молочай.

Губы у Писаренка были зелеными, он что-то жевал, а на грязной ладони у него еще лежал очищенный огрызок мясистого стебля. Он объяснил, что за то время, пока он следил за подопечной коровой, она успела съесть около двадцати кустиков молочая — больше, чем он сам. Больше, конечно, лишь потому, что она сразу отправляла в рот стебли, а Писаренку приходилось очищать их, катать между ладонями и приговаривать: «Чай-чай-молочай, пойди брата покачай», — для того чтобы стекло со стебля горькое молоко.

Итак, мнения разделились, и все мальчишки так горячо отстаивали свою точку зрения, что Колька вынужден был решить: пусть каждый срывает ту траву, которую считает наиболее подходящей.

Этому решению нельзя было отказать в мудрости, однако и оно не принесло Кольке покоя. Зорька так неохотно ела траву, которую ей подносили, что до самого вечера ребята так и не выяснили, кто же из них в конце концов прав.

А тут еще вечером случилось несчастье.

Мальчишки валились с ног от усталости, но ведь надо было обязательно узнать, сколько Зорька дала молока в этот тоже не очень удачный день. И Колька отмеривал уже третью банку. Писаренок со своим гроссбухом пристроился на краешке табуретки, на которой стояло ведро только что надоенного молока.

Было уже темно, и Шурка Меринок держал в руках большой картонный фонарь, внутри которого чадил огарок толстой стеариновой свечки. Бледные зеленоватые мошки вились вокруг фонаря и ползали по закопченному стеклу.

От молока шел теплый и такой домашним запахом, что у Писаренка невольно слипались глаза. Он заглянул в ведро, потом наперед поставил в книжке три жирные птички и опустил голову на руки.

Писаренок потом уверял, будто ему приснился страшный сон. Верь не верь, но что случилось — не поправишь.

Этот Писаренок вдруг привстал на коленки и боднул головой ведро с молоком. Оно и без того стояло на самом краешке, а тут подвинулось еще на сантиметр-другой, медленно наклонилось и грохнулось на землю.

— Свети! — закричал Колька, и Шурка Меринок опустил фонарь до самой земли.

Ведро лежало на боку, и рядом с ним блестела в пыли молочная лужица.

Лужицу срочно забросали землей, и бабушка Сергеевна так и не догадалась ни о чем, но зато, заглянув в ведро, снова сказала:

— Эхе-хе-хе!.. Бывало, на ночь-то я побольше доила!..

— Коль, может, сначала книжки прочитать какие-нибудь? — робко спросил у Богатырева Писаренок на следующее утро.

— Какие еще книжки? — не понял Колька.

— Ну про коров...

И армия отправилась в библиотеку. Надо же в конце концов ответить Джиму Олдену.

Весь отряд на цыпочках стоял в библиотеке, задрав подбородки на высокую стойку со стопочками книжек.

Седая библиотекарша подозрительно глянула на хитрую мордочку Писаренка, но все-таки решила записать всех до единого.

— Что бы вы хотели, мальчики, почитать? — спросила седая библиотекарша.

— Нам надо что-нибудь про коров, — сказал Колька. — Почему там они много дают молока, как за ними ухаживать и все такое дальше...

Библиотекарша сняла очки и как-то чересчур внимательно посмотрела на Кольку, потом на комиссара, на Писаренка. Колька уловил в ее взгляде уважение и потому сказал как бы между прочим:

— Пера заняться делом, так же?

— Очень хорошие слова!.. — улыбнулась библиотекарша. — Но дать домой вам всех книжек я не могу. Почитайте в зале. А я подберу вам кое-какую литературу, чтобы вы могли взять ее с собой...

Колька сказал, что ладно, почитают, и она принесла им высокую стопку книжек и брошюр.

В маленьком зале с только что вымытыми полами было прохладно и тихо. Посреди зала стоял длинный стол, покрытый зеленой скатертью. В дальнем конце сидел за столом старик в очках. В руках он держал журнал, но глаза его были закрыты. Старик дремал.

Армия с шумом задвигала стульями. Старик проснулся, мотнул головой и недовольно посмотрел на ребят.

Они уселись за стол и уткнулись в книжки. Перед каждым лежал листок чистой бумаги и огрызок карандаша — надо ведь записать все, что касается аппетита этих коров.

Писаренок взглянул на старика. Тот уже опять спал, уронив подбородок на грудь.

Писаренок фыркнул и локтем подтолкнул Кольку. Стул под Писаренком громко скрипнул, и старик вскинул голову.

Колька нахмурился, и Володька мигом уткнулся в книжку.

Но через минуту он снова искоса взглянул на старичка, которому так хотелось спать. Скрипнул стул. Что поделаешь, если в этой библиотеке такие скрипучие стулья!

Этот номер повторялся еще и еще раз, и каждый раз лысый старичок смешно вздрагивал и просыпался.

— Не мешайте читать, молодой человек! — сердито сказал он Володьке, и только тогда тот взял карандаш и принялся писать что-то на листке.

Колькина голова упрямо торчала над книжкой. Полководец хмурился и шевелил губами.

Через полчаса Богатырев заметил, что Лопушок преспокойно спит, уронив голову на стол.

Остальные зевали, поглядывая по сторонам. Это уже было слишком!

Колька встал, собрал книжки и повел армию из читального зала.

Когда он на улице у всех потребовал листки, у большинства мальчишек они оказались чистыми.

На листке у Писаренка была нарисована страшная коровья морда. Правда, догадаться, что это была корова, а, предположим, не свинья, можно было лишь потому, что вверху было написано «му-у», а внизу стояла подпись: «Процветания».

Да, не так-то просто от бесконечных войн перейти к сельскохозяйственному производству.

Время шло, а Колька Богатырев до сих пор не мог написать ответ Джиму Олдену. Разве можно допустить, чтобы эта несчастная Процветания так и осталась рекордсменкой?!

Оставалась еще одна надежда. Богатырев решил сходить к дяде Степану Карпенко, который жил в конце улицы Щорса.

Дядя Степан Карпенко работал заведующим молочной фермой и, как теперь вспомнил Колька, не раз бывал в гостях у школьников и рассказывал им о коровах очень занятные вещи.

День был воскресный, и дядю Степана удалось застать дома. Он сел с ребяташками на крыльце, потрепал Кольку по затылку.

— Ну, выкладывайте, орлы, в чем дело?

Дядя Степан внимательно слушал Кольку, и его глаза смеялись. Но он был серьезный человек, дядя Степан.

— Тридцать литров — штука нехитрая, — сказал он. — На моей ферме некоторые по тридцать пять дают ежедневно.

Армия вздохнула облегченно. Мальчишки зашевелились, плотнее придвинулись к этому счастливому человеку.

— Но у меня ведь ферма, — продолжал дядя Степан. — Механизация, рацион и все такое прочее. А вам, право, не знаю, что и посоветовать...

— Лишь бы как-нибудь тридцать литров! — жалобно попросил Писаренок.

— А почему именно тридцать?

— Так, для одного дела, — сказал Колька. — Только вы уж нам самое главное расскажите, ладно?

— Так чем же вы ее хоть кормите, расскажите, — попросил дядя Степан.

— Тимофеевкой, — сказал Колька.

— Заячьей капустой! — сообщил Витька Орех.

— Сурепкой! — вставил Меринок.

А Писаренок заговорил убежденно:

— Больше всего ей, конечно, нравится молочай!..

Дядя Степан рассмеялся. У него было доброе скуластое лицо, большой черный чуб и такие же черные живые глаза, в которых плясали сейчас веселые огоньки.

— Уморили! — рассмеялся он. — Хорош рацион — одна трава!..

Колька спросил, что такое рацион, и дядя Степан снова рассмеялся.

— Вот ты рассуди, Николай, — начал говорить он, и Колька не без гордости отметил, что дядя Степан знает его, Колькино, имя. — Рассуди сам. Что ты ел сегодня утром?

— Вареники с творогом, — сказал Колька. — Молоко пил...

— А в обед?

— Баранину с картошкой. Лук, помидоры, огурцы. — Колька загибал грязные пальцы. — Еще персиков сегодня бабушка купила. Мед ел...

— А вечером что будешь есть?

— Яичницу, наверное, — закончил Колька.

— Ну вот видишь, — заговорил зоотехник. — Столько вкусных вещей, да еще небось яблоки жуешь целый день, да крыжовник лопаешь, да горох. Так ведь?

Колька кивнул, а дядя Степан продолжал:

— Потому мы с тобой и здоровые, что так едим, понял? А ты представь себе такое: утром бабушка дает тебе картошку в мундире, в обед — жареную, а вечером — толченую. Ты бы небось таким толстым не был, верно?..

— Жирный он! — по-свойски подмигнул дяде Степану Писаренок. — Мы его так и зовем иногда...

Тот снова рассмеялся.

— Вот-вот. Сами вы, значит, вкусненькое едите, а корову свою травой набиваете... Разве это порядок? Откуда ж тут взяться молоку? Разнообразие нужно, понимаете? Рацион, одним словом...

Писаренок тщательно записал, какие вкусные вещи должны входить в этот самый рацион, о котором только что говорил зоотехник, и они ушли.

— Если что не так — заходите на ферму, — говорил, прощаясь, дядя Степан. — У меня там тридцать литров даже середнячки дают...

Теперь, когда верный путь был наконец найден, нельзя было терять ни минуты...

Всю следующую неделю армия находилась во власти таинственного и не очень понятного слова — рацион.

Мальчишки перестали холить со стадом и целые дни проводили теперь в поисках продуктов, которые входили в это самое «разнообразие».

На всей улице Щорса поросята остались без помоев, потому что их теперь отдавали Зорьке. К вечеру мальчишки уходили на сушку. Они не задерживаясь проходили мимо мастерской бондаря дяди Лени. Они спешили к овощному складу. Разгрузишь там одну-две машины с кочанами — получай три большие корзины капустных листьев и кочерыжек. Кочерыжки армия по дороге съедала

сама, а капустные листья ожидали Зорьку в яслях, когда она поздно вечером возвращалась с пастбища.

Зорька поправилась и подобрела. Она косила на ребят выпуклыми стеклянными глазами, мотала иногда одобрительно головой и беспрерывно жевала.

Из дома ребята тащили для будущей рекордистки хлеб и сахар. Зорьку поили домашним квасом, и Писаренок даже принес ей однажды баночку компота и три пшеничных блина.

Но Зорька не проявляла особой благодарности. Она равнодушно жевала все подряд, и приходилось только удивляться, почему она так много ест и так мало прибавляет молока.

Армия сбилась с ног. Она забросила все остальные дела. Утки по три дня не видели воды — их некому было отогнать на речку. Некогда было искупаться самим. Теперь, полив грядки у Астаховых, ребята не сидели на скамейке рядом с дядей Иваном, а тут же торопились со двора. Сам Колька, до этого человек свободный как птица, начинал чувствовать себя рабом этой ненасытной коровы.

Шло время, а писать Джиму Олдену было по-прежнему нечего...

И Колька решил на последний шаг: надо идти на ферму и хорошенько посмотреть, как там ухаживают за коровами.

Надо незаметно подкрасться к ферме, день пролежать в траве, понаблюдать. И пусть Писаренок запишет все, что они увидят.

Путь на ферму лежал чуть в стороне от Казачьей балки, и даже совсем не в стороне, если ехать по шоссе, а не идти напрямик. И в другое время ребята обязательно бы наведались на то место, где они нашли медь. Может быть, там уже начали строить рудник — кто знает?

Но сегодня мальчишкам было некогда.

За мостом они свернули с шоссе и по рыжей стерне, которую еще не успели тронуть дожди, пошли в степь.

Шли они быстро, без разговоров, и скоро впереди показались красные черепичные крыши. Колька повернул направо и повел армию в обход. Но вот крыши остались в стороне, и мальчишки вошли в редкий лесок. Впервые в истории армии они дошли до цели без приключений. Ведь приключений, к сожалению, случается мало, если не ищешь их сам.

Впереди сквозь зелень проглянул новенький плетень, и идти дальше, не скрываясь, было опасно. Мальчишки поползли.

Колька первым добрался до цели, приник к щелястой и шершавой поверхности плетня и тихонько свистнул — двор был пуст. Эти несчастные коровы уже успели уйти!

— Коль, а где ж коровы? — прошептал Писаренок.

— Стоят в сараях, тебя дожидаются, — буркнул Колька. — Спать надо меньше!..

И Писаренок надулся, потому что он первым сегодня пришел к Колькиному двору, и Колька отлично знает это. Разве он виноват, что армии так не везет в последнее время?

Шурка Меринок и Юрка Левин спали сегодня дольше всех. Они, наверное, и виноваты. Никогда не придут вовремя. Тоже солдаты называется!

— Коль, послушай, — обиженно заговорил Вовка, но Колька повернулся к нему и ткнул пальцем в сторону домика с голубыми ставнями.

— Слепой, да?

Писаренок приник к плетню.

От домика к сараям шел высокий мальчишка-очкарик. На нем была белая рубашка и синяя тюбетейка, он размахивал длинными руками и что-то мурлыкал себе под нос.

— Талмутик!..

— А то кто же, — сказал Колька и подмигнул Володьке. — Теперь дело в шляпе. Писарь!..

Если этот Петька Козополянский вертится на ферме, значит, он тут наверняка уже в курсе всех секретов. На то он и Талмутик, чтобы все знать. А если он знает, то...

— В плен? — просиял Писаренок.

— В плен! — решительно прошептал Колька. — На этот раз сбежать ему не удастся...

И посмотрел на Шурку Меринка.

— Перелезет через плетень, и тут его — р-раз! — обрадованно сказал Писаренок.

Но Талмутик почему-то вовсе не собирался лезть через плетень. Он поддал ногой спичечный коробок, который попался ему по дороге, и, смешно подпрыгивая, погнал его к двери крайнего коровника.

Писаренок вопросительно посмотрел на полководца, но тот подмигнул ему — «будь спок!» — и показал на коровник. «Там накроем», — понял Писаренок.

В коровнике было не очень светло, и Колька напряженно всматривался, стараясь увидеть белую

рубашку Талмутика.

— Идет, идет! — громко зашептал вдруг Юрка Левин.

— Кто идет? — коротко спросил Колька.

— Талмутик! — Юрка показал рукой на улицу.

— Пока мы сюда, он из той двери вышел. — Он кивком указал на противоположный конец коровника. — Что теперь?

— А, ничего! — Колька презрительно посмотрел вслед Талмутику. — Куда он денется?

— Все равно поймает, — бодро поддержал Писаренок. — Теперь он наш...

Сверху в щели лилось щедрое солнце, и тонкие голубоватые лучи прожекторами сверлили сумеречный свет. Один лучик падал на небольшую чугунную посудину, укрепленную в стойле. Мальчишки подошли и остановились около нее.

— Что за штукация? — спросил Писаренок.

— А ты приглядиись получше! — посоветовал Колька.

Писаренок пригнулся к посудине, но тут командир надавил пальцем на маленький металлический язычок, и Писаренку в лицо брызнула холодная вода. Володька откинулся назад и утер лицо.

— «Автопоилка» это называется! — сказал Колька. — Понимать надо!.. — И продолжал со вздохом: — Вот ты. Писарь, совсем олух и лентяй, и ничего ты в науке не знаешь.

Писарь виновато посмотрел на Кольку, хотел было что-то возразить, но пускаться в рассуждения было не время. Над автопоилкой, толкая друг друга, склонилась вся армия.

— Коль, брызни еще!

— Брызни, Коля!

Колька безнадежно махнул рукой, потом вдруг сделал «пятки вместе, носки врозь» и не очень громко крикнул:

— Становись!

Мальчишки нехотя оторвались от автопоилки и выстроились по росту в проходе между стойлами.

— Ладно, — сказал Колька снисходительно. — Вот так и подходите по одному, а то устроили базар... Орехов, выходи!

Колька еще раз картинно вздохнул: что поделаешь с этими пацанами? — и принялся нажимать на металлический язычок.

Когда все умылись — и комиссар, и Шурка Меринок, и Юрка Левин, и еще раз Писаренок, — Колька вытолкал наконец армию из стойла, и она по проходу пошла дальше.

В самом конце коровника кто-то вдруг тяжело вздохнул, и ребята в ужасе остановились. Как можно забывать об осторожности, если находишься на выполнении боевого задания!

Мальчишки застыли на месте, но Колька рассмеялся.

— Это же корова!

Они подошли поближе.

Большая черная корова тяжело повернулась в стойле и уставилась на армию выпученными глазами. Она жевала, и Колька понял, что здесь-то наверняка можно узнать, чем кормят скот на этой ферме.

Высоко под потолком висели лампочки, и он искал глазами выключатель.

— Зажечь свет, что ли... — сказал Колька и саблей надавил на рычажок.

В коровнике вспыхнул яркий свет. Колька на секунду закрыл глаза, а когда открыл их, изумился.

Черная корова, громадная, как три Зорьки вместе, стояла, широко расставив ноги и низко опустив лобастую голову. Рога у нее были совсем небольшие, но крепкие, глаза сверкали. Она смотрела на армию с такой жесткостью, что командир почувствовал неладное.

— Коровка, коровка... — любезно сказал Писаренок и храбро шагнул ей навстречу.

Корова еще ниже нагнула голову и захрипела так, что у всех до единого в Колькином войске сердце ушло в пятки.

Мальчишки узнали племенного быка Норда, от которого им уже пришлось этим летом спасаться в степи из-за красной футболки Писаренка.

— Майку, майкуними! — закричал теперь Колька.

Писаренок уже на бегу рванул с себя футболку.

Армия, подгоняемая страхом, неслась к выходу. Сашка Лопушок, бежавший первым, споткнулся у порога и упал перед захлопнутыми дверями коровника, на него повалился Писаренок.

Бык еще раз грозно всхрапнул позади, и Колька, который мчался последним, увидел, как отворились скрипучие двери и на пороге показался дядя Степан.

Он изумленно смотрел на мальчишек, а рядом с ним, придерживая пальцем на переносице очки,

стоял Талмутик и тоже удивленно глядел на Колькино войско.

— Что за куча мала? — спросил дядя Степан у Кольки, который все еще стоял позади, поглядывая то на зоотехника, то в глубь коровника, где тяжело посапывал Норд. — Играете? — снова спросил дядя Степан.

— Н-нет, — раздался откуда-то снизу голос Писаренка. — Мы... мы за опытом, дядя Степа...

Дядя Степан улыбнулся и покачал головой, а Талмутик пожал плечами и, еще раз поправив очки, протиснулся мимо поднимающихся ребят и пошел в коровник.

— Хорошо, что за опытом, — сказал дядя Степан. — Тут все и посмотрите...

Он говорил еще что-то, но мальчишки его уже не слышали.

Во все глаза они смотрели теперь в глубь коровника.

Там Талмутик подошел к страшному Норду, наклонился и проскользнул в стойло. Заглянул в большой таз, стоявший перед быком, потом похлопал Норда по шее и пошел обратно.

— Ну вот, Степан Петрович, уже хорошо поел, — весело сказал он зоотехнику. — Немножко изменили рацион, и такой результат...

— Болеет у нас Норд, — объяснил дядя Степан ребятам. — Есть совсем было перестал. А Петя его подкармливает...

Колька искоса взглянул на Талмутика, потом на мальчишек. Те смотрели на Петьку Козополянского чуть-чуть виновато и уважительно, и даже Писаренок, который больше всех обычно издевался над Талмутиком в разговорах, улыбался теперь Петьке и почему-то подмигивал.

За плетнем послышались крики, с присвистом захлопал бич. В ворота фермы медленно двинулись коровы. Дядя Степан посмотрел на часы и пошел к «газикам» с желтыми цистернами на месте кузова, которые стояли у домика.

Талмутик все еще стоял с ребятами, и Лопушок теперь придвинулся к нему поближе.

— Он тебя знает, да? — спросил он у Талмутика, поглядывая на коровник.

— Кто? — не понял Петька.

— Ну, Норд...

— Знает, конечно, — сказал Талмутик.

— А ты... не боишься?

— А чего бояться?

Ребята переглядывались. Колька молчал.

— А мы тоже это... не боимся, — сказал Писаренок, шмыгнув носом, и показал Талмутику свою футболку, которую он все еще держал в руке. — Я вот хотел футболку ему показать, чтобы он тут не скучал. А Шурка говорит: дай я покажу... Чуть не подрались прямо...

— Красное — нельзя, — сказал Талмутик. — Он не любит...

— А-а... — протянул Писаренок. — А мы думали — любит...

Рядом снова послышалось хлопанье бича.

Коровы заполняли двор, и их было так много, что Колька даже не мог себе представить, как их успевают подоить девчата в белых халатах. Ведь девчат совсем мало.

Они несли с собой какие-то резиновые шланги, на концах которых были прикреплены блестящие металлические штуки, похожие на патроны для электрических лампочек.

Талмутик, между прочим, объяснил ребятам, что это электродоильные аппараты, и Колька не сводил глаз с этих шлангов и трубочек, которые выдаивали из коров молоко. Колька тут же решил, что надо будет обязательно — где бы то ни было! — раздобыть такую штуку. Недаром же здесь надаивают столько молока!

Писаренок стоял рядом с Талмутиком и замечал на себе косые Колькины взгляды: что, мол, уже успел подружиться?..

И сейчас, улучив минуту, когда Богатырев отвернулся, Писаренок наклонился к Талмутику.

— Слушай, Петь, ты можешь нам помочь?..

— Кому? — переспросил Талмутик.

— Ну мне, Кольке, всем нашим пацанам...

— Могу, вернее, постараюсь, — сказал Петька почему-то радостно. — А что надо сделать?..

— Нам надо, чтобы одна корова — Колькина Зорька, может, знаешь? — дала тридцать литров, — зашептал Писаренок. — Ну хоть бы раз — тридцать литров! Для рекорда.

— Для рекорда? — еще больше удивился Талмутик. — Во-первых, готова ли ваша — как ты говоришь, Зорька? — к такому рекорду? А во-вторых, для хорошей коровы это вовсе не рекорд. Вчерашний день! Можно больше. А зачем тебе тридцать литров? Пospорил с кем?..

— Зачем, да? — нерешительно спросил Писаренок. И виновато улыбнулся Кольке. — Петька вот

спрашивает, зачем нам тридцать литров. Я скажу, Коль, а?..

Колька пожал плечами.

— Помнишь письмо, которое мы... Ну, да вот ты помогал нам писать, помнишь?..

— Письмо? — не понял Талмутик. — Какое?..

— Когда хотели, чтобы ты... диктант...

И Писаренок принялся рассказывать Петьке о Джиме Олдене. А дядя Степан посмотрел на часы.

— Между прочим, кто на футбол — со мной. У меня места хватит. — И он подтолкнул мальчишек к маленькому «газику» с открытым верхом, который стоял неподалеку.

Мальчишки, как воробы, облепили машину, и дядя Степан нажал на стартер.

Мотор тоненько завыл, потом затарахтел, «газик» дернулся и покатил к воротам. За воротами дядя Степан обернулся и поглядел на Кольку, который выше всех сидел на откиннутом брезенте.

— Крепко держишься?

У Кольки все еще не прошло плохое настроение, и он только кивнул головой.

Дорога впереди была ровная, и дядя Степан еще раз обернулся и подмигнул Кольке.

— Будешь писать ответ — приходи. Кое-что могу посоветовать...

Колька снова только кивнул в ответ, зато Талмутик, который сидел рядом с дядей Степаном, обернулся к ребятам.

— Да, да, — сказал Талмутик, — этого так оставить нельзя...

— Ну что, с ветерком? — Дядя Степан переключил скорость, и машина понеслась по степи.

Ветер свистел у Кольки в ушах, пузырем надувал рубашку. Тугой и горячий, он обжигал лицо, мешал дышать. Навстречу плыл по степи кориандровый запах, сухой и сладкий.

Толстоногие подсолнухи с широкими серыми шляпами набегали на машину, и один из них тяжело стукнулся головой о ветровое стекло. Колька видел, как на пыльный капот посыпались крупные полосатые семечки.

«Газик», подвывая, пошел в гору, и над мальчишками опрокинулось голубое теплое небо. Потом оно выровнялось, и машина юркнула вниз.

«Где-то здесь Казачья балка», — подумал Колька.

Он приподнялся с брезента и поглядел в степь. Здесь у дороги подсолнухи резко отлетали назад, а там, вдалеке, длинные ряды их медленно поворачивались и так застывали, смешиваясь и пропадая за другими рядами.

Далеко за подсолнухами белели силосные башни, похожие на новенькую, только что построенную крепость, а чуть впереди них совсем рядом с дорогой...

— Стойте! — закричал Колька. — Остановите машину!..

Дядя Степан резко затормозил, и Колька сверху плюхнулся на мальчишек.

— Ты чего? — беспокойно спросил дядя Степан. — Разве так можно кричать?

— Я сейчас, сейчас... — торопливо говорил Колька, барахтаясь среди мальчишек. — Сейчас я слезу...

Он снова стал на брезент и неловко, боком спрыгнул на землю.

— Сейчас я, — еще раз сказал он, когда уже стоял на земле, и через подсолнухи бросился в степь.

Затрещали высохшие бодылки, закивали головами подсолнухи.

— Вы уезжайте! — крикнул Колька уже издали.

Дядя Степан пожал плечами и посмотрел на мальчишек.

— Странно, — сказал Талмутик, — очень странно...

Писаренок приподнялся и, прикрыв ладонью от солнца глаза, посмотрел вслед Кольке. И вдруг тоже заторопился, несколько раз толкнул дверцу, потом перевалился через борт и кинулся вслед за командиром.

— Медь! — закричал он уже на бегу. — Медь, что же вы сидите?!

Машина мигом опустела. Мальчишки неслись, ломая подсолнухи.

— Наверное, я знаю, в чем дело, — сказал Талмутик дяде Степану. — Пойдемте посмотрим...

Дядя Степан заглушил мотор, и они тоже вышли из машины. Еще издали в просвет, оставленный армией Кольки, были видны палатки, автомашины, а за ними какое-то сооружение, похожее на высоковольтную мачту. И Талмутик не выдержал. Он тоже со всех ног бросился вперед.

Когда дядя Степан подошел к палаткам, мальчишки стояли вокруг грубо сколоченного стола, за которым сидел загорелый парнишка в белой майке. На столе, придавленные кусками руды, лежали карты, схемы, чертежи.

А вокруг был разбит настоящий рабочий лагерь. В стороне особняком стояли маленькие палатки, рядом с ними, покрытые серым брезентом, застыли какие-то не совсем обычные автомобили.

Дядя Степан поздоровался и, когда парнишка в белой манке что-то ответил ему, не отрываясь от карт, спросил:

— Так что это тут у вас?

Парнишка взял с карты кусок руды и протянул дяде Степану.

— Понимаете в этом что-нибудь? — Парнишка стукнул каблуком по земле. — Вот здесь медь. «Колькино месторождение»...

Мальчишки замерли с раскрытыми ртами. Талмутик сорвал очки и застыл так с ними в руках. Колька хотел было что-то спросить, но только судорожно глотнул. Во рту у него было так сухо, будто бы он не пил дня три.

Зато дядя Степан спокойно спросил:

— Какое, вы сказали, месторождение?

— Не понимаете? — снова оторвался парнишка от карты. — «Колькино месторождение». Колькино! В Главке тоже не понимают. Что это? К чему?

— Название-то? — уточнил дядя Степан.

— Ведь можно было назвать по-человечески, верно? — спросил парнишка. — Так нет же! Рублев уперся, и все тут. А Рублева не переспоришь. И вот посмотрите...

Он ткнул карандашом в стол, и все склонились над картой.

Рядом с голубой извилиной стоял черный кружок — Отрадная. А чуть сбоку по пестрому коричневато-зеленому полю шла мелкая надпись: «Колькино месторождение».

Армия смотрела на надпись, все еще не веря в такое чудо.

— Дядя Костя Рублев? — спросил наконец Колька и вытер рукой потный лоб.

— Кому дядя Костя, а кому — доктор наук и крупнейший специалист. Понял? — Парнишка снова посерьезнел. — Ну, ну, не мешайте работать...

Он бросил на карту какой-то чертеж, сел за стол и сжал голову руками.

— Ну что, хлопцы, пошли? — сказал дядя Степан.

Мальчишки, оглядываясь, медленно побрели обратно.

— Так мы и на футбол опоздаем, — заговорил дядя Степан.

— Вы все поезжайте, — сказал Колька, — я пешком пойду.

— Правильно, пешком, — поддержал Писаренок.

— Да, да, конечно, — неожиданно сказал и Талмутик. — Пешком интереснее, правда?

Машина дяди Степана укатила, стрельнув сипим дымком.

Мальчишки шли по степи.

Сначала они ступали осторожно, подминая стерню голыми ступнями, потом Колька повернул к реке, и по густой траве армия заскользила вниз.

— Здорово! — сказал Талмутик. — Надо же. Такое дело — медь!

Колька улыбнулся и тут же присел на корточки и взялся за палец на левой ноге. Он ждал, пока армия пройдет мимо. Колька не хотел, чтобы ребята видели, как он улыбается. Подумают еще, что рад до смерти.

«Колькино месторождение», — повторил про себя полководец и улыбнулся.

Ребята, переговариваясь, спешили к реке. Слева ее не было видно — она под самыми ногами у мальчишек бежала из-за рыжей скалы и спокойно текла дальше, извиваясь между зеленых островков.

Мелкой рябью были подернуты перекаты, белое солнце зайчиком купалось в открытых заводях.

Высоко над речкой кружились щуры. Эти птицы, наверное, щурами называются потому, что так они кричат: «Щур! Щур!»

Оглавление

Глава первая, которая сразу вводит читателя в курс дела и рассказывает о том, как Колька Богатырев стал министром геологии и охраны недр станицы Отрадной

Глава вторая, в которой рассказывается о том, как главнокомандующий Богатырев руководил операцией «Огненный король»

Глава третья рассказывает о том, как Колька Богатырев укреплял международные связи и содействовал всеобщему прогрессу

Глава четвертая, которая рассказывает о том, как армия с улицы Щорса перековала мечи на орала

Глава пятая, или Рассказ о волшебной палочке

Глава шестая, из которой читатель узнает, как Колька Богатырев порвал с христианством

Глава седьмая, в которой говорится о том, как армия Кольки Богатырева осваивала «сельскохозяйственное производство»